Первое сентября

№24(60) 4 марта 1993 г., четверг

Вы блестящий учитель,
у вас прекрасные ученики

Сказка в каждом номере

Сегодня мы начинаем печатать в каждом номере нашей газеты сказки Сергея Козлова.
Мы надеемся опубликовать более ста сказок. Это океан, который непросто переплыть.
Поэтому без дальнейших слов и не перечисляя всех театров, где поставлены пьесы-сказки С. Козлова, всех стран, где опубликованы и публикуются его сказки, всех грампластинок с записями стихов и сказок, и даже не называя его самых знаменитых сказок, ставших впоследствии всемирно известными мультфильмами, мы просто открываем нашу публикацию самой известной его сказкой.

О ЧЕМ ДУМАЮТ, О ЧЕМ ГОВОРЯТ

Многое сейчас против наших детей. Как помочь им найти правильный путь?

Стенограмма из детской комнаты милиции

Всем понятно: исправлять надо не следствие, а причину. Однако у моих женственных и строгих собеседниц Лидии, Елены, Екатерины и Татьяны, работающих инспекторами по делам несовершеннолетних, нет возможности оздоровить нашу экономику или сделать общество более нравственным. Они способны лишь констатировать факты. Иногда им в чем-то удается помочь детям. К сожалению, не часто.

УЛИЦА

ЛИДИЯ. На мой взгляд, в основе любого преступления — желание иметь материальных благ больше, чем имеешь, но при этом не заработать их трудом, а урвать, украсть, отобрать у другого.

ТАТЬЯНА. Слово-то какое — преступник! Разве к малолетним оно применимо? Я про себя делю таких подростков на две категории: коммерсантов и безалаберников. Коммерсанты думают, как бы, когда вырастут, хорошо устроиться и закрутить какое-нибудь дело, а безалаберники вообще ни о чем не думают, существуют как придется. У некоторых подростков потеряны нравственные основы: они хотят добыть денег легкой ценой, а о моральной стороне этого рассуждать не в состоянии. Наши подопечные не столько злые, сколько беспомощные — им трудно по-настоящему ориентироваться в жизни. Сегодня детская преступность растет. Чем тяжелее жизнь, тем сложнее малолеткам. И виноваты не только социально-экономические причины. Если хотите знать, ученые насчитали свыше ста факторов, влияющих на рост правонарушений, и усилий одной милиции здесь, конечно, недостаточно. Вот, например, одна из причин преступлений среди подростков — безделье. Где они могут провести свободное время? Кружки либо платные, либо безнадежно устаревшие. Собираются в подвалах, а там...

ЛИДИЯ. И вот вопрос — где искать работу? На биржах труда подросткам ее не предлагают. Обычно говорят так: „Место себе ищите сами, а как найдете, мы вас туда направим". Ребят занять надо, дать работу, чтобы не была скучной повинность, чтобы платили побольше, а не так, как сейчас — на эту их зарплату прожить просто невозможно. Как ни ругай коммерческие структуры, а от них все же есть польза: туда устроиться легче, да и платят совсем другие деньги, чем на государственном предприятии. Поэтому подростки идут к коммерсантам с охотой.

ТАТЬЯНА: Да, в коммерческих структурах за низкоквалифицированную работу предлагают большие деньги. Это развращает: зачем учиться дальше, приобретать какую-то профессию? В школе многие доучиваются лишь до восьмого-девятого класса, а потом — на улицу, в свободное плавание. И вот о чем, раз уж мы заговорили о школе, хочется сказать. Раньше там преподавали предмет „Основы государства и права". Потом он стал факультативным, а года два назад его и вовсе отменили. Это давало детям хоть какие-то понятия о законности, о которых теперь они совершенно не осведомлены. Сколько сил сберегало милиции то, что ученикам внушали: незнание закона не освобождает от ответственности. Мастера мы многие полезные вещи отбрасывать. Потом спохватываемся, да поздно.

ШКОЛА

ЛИДИЯ. Что и говорить, есть у нас к школе претензии... В прошлые годы нельзя было выгнать нерадивых учеников, тащили их за уши из класса в класс. Не будем обсуждать, плохо это или хорошо, но кто ж додумался разрешить исключать детей из школы с четырнадцати лет? Куда они, по-вашему, пойдут? Вообще, я скажу, многое сегодня против ребенка. Возьмем такую ситуацию: родители имеют право продать квартиру, а мнение малолетних при этом не учитывается, не берутся в расчет их интересы. И дети иногда — я знаю такие случаи — оказываются на улице. Какая же это дикость: в нашей стране, в конце двадцатого века ребенок становится бомжем!

ЕКАТЕРИНА. Ох, с чем только не приходится сталкиваться! Знаю одну семью, где растет девочка. Мать ушла, отец привел другую женщину, девчушка им оказалась помехой. Ела она только в школе, дома ни куска не давали. Раз девочка тайком взяла деньги и потратила их на жвачку. Разъяренные взрослые привели ее в отделение. Отец сказал, чтобы дома ноги ее больше не было. Теперь мы оформляем девочку в интернат.

ЛИДИЯ. Дети ведь по природе доверчивы и очень восприимчивы — и к плохому, и к хорошему. Человек лепится в зависимости от обстоятельств, и, наверно, вы согласитесь, нравственное воспитание во многом идет от семьи. Нам чаще приходится иметь дело с подростками из семей, которые называют неблагополучными. Но бывает и по-иному. Знаю одну семью: папа — доцент, мама — инженер. А сын уже несколько преступлений совершил.

СЕМЬЯ

ТАТЬЯНА. Да, не всегда преступники из неблагополучных семей. Но правонарушители из семей интеллигентных действуют более умно и крадут не ради наживы, а чаще из геройства, для самоутверждения. Время такое: социальное происхождение уже не гарантирует правовой благонадежности. Криминальный возраст спустился до двенадцати-тринадцати лет. В этом возрасте дети способны красть, грабить, угонять автомашины (к счастью, не для продажи, а чтоб покататься). Только не надо говорить: ах, какие дети бедные, какие несчастные! Они ведь не хлеб крадут. Увы, активизировались и девочки, ставшие намного агрессивнее, порой они превращаются в соучастниц грабежей.

ЛИДИЯ. Если посмотреть статистику, то девочки совершают гораздо меньше правонарушений, чем мальчики. В принципе нарушать закон более свойственно мальчикам, у девочек психика устроена по-другому, и по природе они осторожнее. Однако как преступницы они действуют хитрее и изворотливей, умудряясь придумать такое, до чего мужчина никогда не додумается. Вообще все сегодняшние правонарушения стали более дерзкими. Порой с трудом верится, что орудовал ребенок. Недавно группа подростков (а им по тринадцать — пятнадцать лет) разобрала стену универмага „Останкино". Тогда воришек задержать не удалось, их взяли при повторной попытке проникнуть в тот же магазин. На этот раз они механизировали свою работу, домкратом раздвинув решетку. Такую б энергию — да в мирных целях! Условия службы наших сотрудников, должна признаться, сильно усложнились. Раньше подростков забирали в основном за мелкое хулиганство.

ЕЛЕНА. Знаете, по-моему, рост детской преступности отчасти обязан появлению мест, где безнаказанно можно сбыть ворованную вещь. В декабре прошлого года мальчик во время большой перемены залез в квартиру дома, напротив школы, и утащил водку, маникюрный набор и еще что-то. Никогда бы не подумала, что за перемену можно столько сделать. Так вот, в соседнем коммерческом магазине даже не поинтересовались, откуда у ребенка спиртное, и сразу выплатили деньги. Получается, что и они внесли свою лепту в содеянное. Правильно тут говорилось, что все преступления в основном корыстные. Дети обчищают машины, квартиры, школы, даже детские садики. Это нам с вами кажется сложным открыть запертую машину, а подрастающее поколение до многого доходит своим умом и виртуозно владеет инструментами...

ПОМОЩЬ

ТАТЬЯНА. Но мне кажется, любому правонарушителю надо дать шанс исправиться. Мы ведь выступаем не только как карающий орган, мы — помощники для наших подопечных. Когда подросток освобождается из тюрьмы, мы должны помочь ему с пропиской, работой. После выхода из мест лишения свободы происходит ломка сознания, у каждого за спиной определенные переживания, и в это время ребят надо согреть и поддержать. Нам также приходится распределять дешевые путевки и гуманитарную помощь для детей из неблагополучных семей, гасить конфликты детей с родителями, и тут уж инспекторы выступают как психологи. В нашей профессии не обойтись без доброты, человечности. Старшим сейчас не хватает времени на воспитание, вот и берем на себя часть родительских обязанностей.

ЕЛЕНА. А еще милиция проводит в школах специальные занятия, на которых детям объясняют, как избежать нападения. Обычно советуем не подходить к незнакомым взрослым, не брать от них подарков — кукол, шоколадок. Если уж очень надо обратиться к посторонним, то лучше выбирать женщин. Предупреждаем детей, что нельзя входить в квартиру, когда за тобой идет следом кто-то незнакомый.

ТАТЬЯНА. Даже выпущена специальная памятка. Давайте я вам прочту оттуда несколько рекомендаций. Если они попадутся на глаза ребятам или родителям, могут сослужить хорошую службу.

Советы детям:

— не заигрывайся во дворе по пути из школы;

— не ходи с незнакомыми;

— не садись в машину незнакомца;

— не играй на улице с наступлением темноты;

— основная заповедь: незнакомым всегда говори — „НЕТ"!

Советы подросткам:

— уходя из дома, позаботьтесь о том, чтобы родители знали, куда вы направляетесь и как с вами можно связаться в случае необходимости;

— по возможности находитесь на улице в компании друзей;

— информируйте родителей о времени возвращения домой;

— где бы вы ни находились, первым делом узнайте, где здесь есть телефон, и запомните путь к дверям, через которые вы можете скрыться в случае опасности.

Конечно, мне бы очень не хотелось, чтоб наши дети нуждались в подобных советах. Пусть такое время наступит как можно скорее.

Стенографировала
Е. СТАНОВА

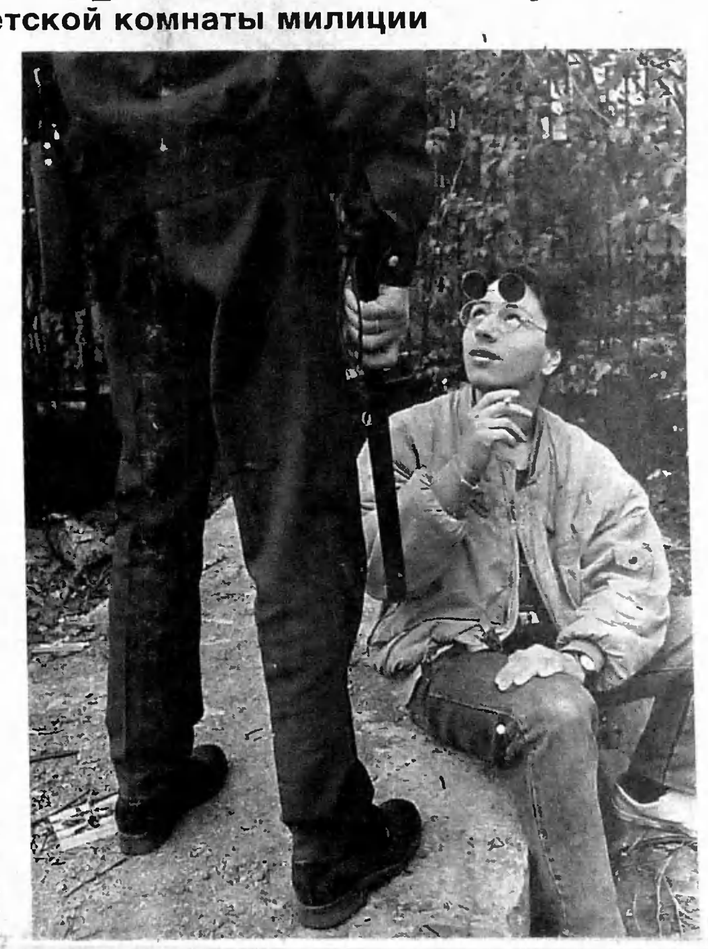


Фото С. ШАХИДЖАНЯНА

Невеселая статистика

Каждое четвертое преступление в Москве сегодня совершается подростками. Более половины правонарушений — в составе групп. Все чаще в подростковой среде встречаются случаи жесткого рэкета, возрастает агрессивность малолетних правонарушителей.

Сотрудники уголовного розыска отмечают еще одну особенность малолетней преступности. Если взрослый анализирует свои действия и их последствия, в какой-то момент может остановиться, то не имеющий жизненного опыта подросток в состоянии стресса совершает необъяснимые, страшные порой поступки. И все же убийства — преступления для подростков не типичные. Преобладают разбои, грабежи, квартирные кражи.

Недавно работники МУРа задержали группу из семерых мальчишек (старшему едва минуло тринадцать), которые утащили из ателье „Мосгорпроката" сорок пять телевизоров, несколько телефонных аппаратов и еще множество мелочей. Их сверстники из Набережных Челнов ограбили московскую квартиру, похитив видео- и радиоаппаратуру, совершили разбойное нападение в Мытищах.

Москва, кстати, уже давно стала лакомым куском для набегов иногородних подростков. Ежедневно в город приезжают сотни мальчишек с единственной целью — разбогатеть. Появилась новая техника грабежей, которую освоили в последнее время иногородние гастролеры. Они совершают преступление перед самым отходом поезда, а затем запрыгивают в вагон и... Пока жертва прибежит в отделение милиции, пока напишет заявление, расскажет приметы налетчиков, они будут очень далеко.

В столицу подростки попадают самыми разными путями. По деревням некоторых республик Закавказья ездят представители криминальных группировок, зазывают молодежь в Москву. Обещают подъемные, хорошие условия жизни, не слишком утомительную работу на рынках. Если учесть рост безработицы, незанятость молодежи и низкий уровень жизни, можно понять, почему такие призывы находят отклик.

Статистика красноречиво говорит о том, что преступность молодеет. По данным МВД России, несовершеннолетними или с их участием совершается сегодня каждое шестое преступление, причем 19 процентов из них — тяжкие.

Социологи называют уровень преступности среди несовершеннолетних своеобразным барометром, отражающим состояние общества. Одна из причин преступности подростков — их полная предоставленность самим себе, исчезновение прежних нравственных ориентиров и форм воспитания. О каком досуге можно говорить, если цена билета в кинотеатр от пятидесяти рублей и выше? Из-за дороговизны стали недоступными занятия в кружках и секциях, стоимость молодежной одежды настолько высока, что не сравнима с зарплатой даже взрослого человека. А мелочи, без обладания которыми подросток чувствует свою ущербность? Рекламные щиты, телевизионные ролики и восхищенные отзывы товарищей не дают забыть о жевательной резинке, шоколадных батончиках, „пепси" и других атрибутах красивой жизни. Не отсюда ли корыстная направленность малолетней преступности, особенно возросшая в последнее время?

И еще данные статистики. Число подростков, которые нигде не работают и не учатся, за последний год выросло в Москве в десять раз. Факт, наводящий на размышления...

Н. МОДЕСТОВ

Сказки Сергея Козлова

Ежик в тумане

Тридцать комариков выбежали на поляну и заиграли на своих писклявых скрипках. Из-за туч вышла луна и, улыбаясь, поплыла по небу.

„Ммм-у!.." — вздохнула корова за рекой. Завыла собака, и сорок лунных зайцев побежали по дорожке.

Над рекой поднялся туман, и грустная белая лошадь утонула в нем по грудь, и теперь казалось — большая белая утка плывет в тумане и, отфыркиваясь, опускает в него голову.

Ежик сидел на горке под сосной и смотрел на освещенную лунным светом долину, затопленную туманом.

Красиво было так, что он время от времени вздрагивал: не снится ли ему все это?

А комарики не уставали играть на своих скрипочках, лунные зайцы плясали, а собака выла.

„Расскажу — не поверят!" — подумал Ежик и стал смотреть еще внимательнее, чтобы запомнить до последней травинки всю красоту.

„Вот и звезда упала, — заметил он, — и трава наклонилась влево, и от елки осталась одна вершина, и теперь она плывет рядом с лошадью...

А интересно, — думал Ежик, — если лошадь ляжет спать, она захлебнется в тумане?"

И он стал медленно спускаться с горы, чтобы тоже попасть в туман и посмотреть, как там внутри.

— Вот, — сказал Ежик. — Ничего не видно. И даже лапы не видно. Лошадь! — позвал он.

Но лошадь ничего не сказала.

„Где же лошадь?" — подумал Ежик. И пополз прямо. Вокруг было глухо, темно и мокро, лишь высоко вверху сумрак слабо светился.

Полз он долго-долго и вдруг почувствовал, что земли под ним нет и он куда-то летит.

Бул-тых!..

„Я в реке!" — сообразил Ежик, похолодев от страха. И стал бить лапами во все стороны.

Когда он вынырнул, было по-прежнему темно, и Ежик даже не знал, где берег.

„Пускай река сама несет меня!" — решил он. Как мог, глубоко вздохнул, и его понесло вниз по течению.

Река шуршала камышами, бурлила на перекатах, и Ежик чувствовал, что совсем промок и скоро утонет.

Вдруг кто-то дотронулся до его задней лапы.

— Извините, — беззвучно сказал кто-то, — кто вы и как сюда попали?

— Я — Ежик, — тоже беззвучно ответил Ежик. — Я упал в реку.

— Тогда садитесь ко мне на спину, — беззвучно проговорил кто-то. — Я отвезу вас на берег.

Ежик сел на чью-то узкую скользкую спину и через минуту оказался на берегу.

— Спасибо! — вслух сказал он.

— Не за что! — беззвучно выговорил кто-то, кого Ежик даже не видел, и пропал в волнах.

„Вот так история... — размышлял Ежик, отряхиваясь. — Разве кто поверит?!"

И заковылял в тумане.

ПИСЬМА С ВОЙНЫ

ПОМОЛИСЬ, КИРИЛЛ! ПОМОЛИСЬ!

НЕТ, НЕ СОБИРАЛСЯ умирать Ясон Чилая. Но он пал в бою на Цхенисцкали. Было это в январе 92-го года. В ночь на 27 января в ставке Джабы Иоселиани мало кто спал. Не спала и Гогосашвили Ирина, единственная женщина, разделившая с мхедрионцами все тяжести испытаний. Она одолжила мне постель и в последний час перед уходом на Зугдиди рассказывала про Ясона. Рана была не просто жива. Она была открыта. Тогда еще не успели привыкнуть к потерям. Но, как я поняла, привыкнуть к ним невозможно. Никогда. И — никак! В последние минуты жизни Ясон говорил о своей дочери. Несколькими месяцами раньше погибла жена Ясона. Ее звали Мзия. Ия — дочь Мзии и Ясона — круглая сирота. Он, Ясон, мог не идти на войну. Реваз Давидович Чхеидзе рассказывал, что остался сценарий, по которому Чилая собирался снимать свой фильм. Кусок свинца со смещенным центром тяжести оборвал все замыслы Ясона и отнял у малышки Ии отца.

Куда же идет человечество? Неужели это единственный путь обретения свободы — погибнуть молодым?

...Как всегда, я привезла и на этот раз в Тбилиси сочинения своих детей о книгах и фильмах Грузии. Я привезла личные письма своих учеников Отару Чиладзе и Резо Чхеидзе, Тенгизу Абуладзе и братьям Шенгелая. Мне все время казалось, что та самая Роза Мира, которая привиделась Даниилу Андрееву, реально существует, живет, когда люди одной культуры тянутся к другой, чтобы ощутить свою всеобщность, чтобы прорваться в то самое пространство, где нет ни иудея, ни эллина. Где все мы — дети одного Духа.

Эти прорывы Духа человеческого ведомы именно детям. Я обещала режиссеру Георгию Шенгелая привезти сочинения о фильме „Путешествие молодого композитора". Мы встретились с Георгием на заседании Госсовета Грузии в первых числах октября. Я держала в руках сочинение Кирилла Войцеля, но почему-то не смогла с ним расстаться. Кирилл писал о фильме и актере Леване Абашидзе. В тот день я еще не знала, что Леван погиб. Я запомнила его в спектакле великого грузинского режиссера Михаила Ивановича Туманишвили „Наш городок". Это спектакль по пьесе Уайлдера, переведенной Резо Габриадзе в грузинские реалии. Переведенной так органично и мастерски, что я не могу представить себе этот спектакль идущим на другом, кроме грузинского, языке. Молодого героя играл Леван Абашидзе. Я смотрела этот спектакль столько лет, сколько он шел, и столько раз, сколько бывала в Тбилиси.

Было что-то мистическое в этом театральном действе. Мистическое в том великом смысле, в каком возможны попытки заглянуть в другой, иной мир, лежащий за пределами всего живого. За пределами пребывающего здесь и сейчас.

Однажды я сказала Михаилу Ивановичу, что пережила свою смерть на его спектакле. Думаю, он понял, что я имела в виду, но при этом как-то снисходительно и мило, как умел только он, улыбнулся. Пронзительное, бросающее в холодный пот ощущение, что оттуда не возвращаются и что все отчаянные попытки преодолеть грань, отделяющую живых от умерших, не более чем иллюзия, — это ощущение не просто переживается на спектакле, оно остается, добавляя как бы еще одну краску к жизни. Твоей жизни тоже, поскольку она не воспроизводима нигде — ни в других мирах, ни в других пространствах. Сила жизни, и жизни молодой, — вот стихия роли Левана Абашидзе в спектакле. Со сцены шли бурные потоки жизненных стихий, чтобы прерваться в третьем акте и обрести статику неживого. Но и тогда в этом царстве мертвых жизнь не исчезала совсем. Она уходила в контрапункт, напоминая о вечном кругообороте живого и неживого. В каких высотах парил дух этого спектакля! Как красив Леван Абашидзе в „Ступени" Рехвиашвили, „Анемии" Котетишвили, „Круговороте" Ланы Гогоберидзе! Он снимался во многих фильмах. Мы с детьми видели только эти. Мы узнавали его лицо, его стать, мы ждали встреч с ним. Он был разный в разных фильмах, но та давняя, первая встреча с Леваном Абашидзе в фильме Шенгелая была словно камертон. Трагический камертон, как оказалось.

...Так вот, я не выпускаю из рук школьное сочинение Кирилла Войцеля о фильме „Путешествие молодого композитора". Кириллу было тогда всего 15 лет. Он уже начинал выяснять свои отношения с Богом, пока его товарищи по парте пробовали свои юные силы в митинговых стихиях. Он взял эпиграфом к сочинению такие слова: „...Они — мои рабы, которых я вывел из земли Египетской". Левит 25; 42. Он лишал меня покоя на уроках, утверждая, что только музыка прерывает замкнутый словесный круг, устремляясь к божественному. Он брал себе в союзники Витгенштейна, согласно которому мысль — это логический образ предмета, и построить нечто нелогичное, т. е. невыразимое словами, литература не может. Фильм Георгия Шенгелая давал пищу для подобных размышлений. Кирилл сразу уловил сущностное в фильме — путешествовал композитор. Создатель гармоний. Вечное, неизъяснимое, божественное — удел музыки, несопоставимой со словом. Так считал подросток Кирилл. „Но есть и другая вечность — вечность общественных конфликтов. Казалось бы, что же в них-то вечного? А вечно то, что политика становится над бездной... Общественные конфликты и музыка. Вечное противоречие Пятикнижия и Евангелия. Как разнится их дух! Один — раболепие, другой — свобода! В первом — время идет в ногу со временем. В другом — скачок. Сопротивление общему. Все это и есть в самом фильме, в его символике. Противоречие между закоснелой формой и животворящим Духом. Люди в поле действительно похожи на Апостолов. И преломление хлеба. И распятие. И синедрион. И стена солдат, охраняющих бессмысленные, тупые законы. Молодой композитор не вписывается в эту среду... И вот две вечности — музыка и политика — настолько связаны, что вторая просто поглощает первую. Перемалывает ее. Не оставляет в мире места искусству. Помните, во дворе собора композитор записывает народную песню? Вдруг взрыв. Пламя. Фонограф забыт. Беспомощность. Аресты. Аресты. Дорога в конце. Фильм без конца. Это — конец".

Помню, Кирилл, помню! Но теперь я знаю и помню другое — как ворвалась граната в окоп, где находился Леван Абашидзе со своими товарищами. Погибли Леван и два его друга. Они погибли в Абхазии, куда устремился Леван, прервав съемки в фильме „Сирень"...

Помолись за них, Кирилл. Помолись там, в Польше, где ты учишься служению Богу. Помолись, где бы ты ни был. Помолись!

...В перерывах между Южной Осетией и Абхазией я жадно всматривалась в молодое кино Грузии, рожденное последним десятилетием. Я все искала один нашумевший фильм молодого режиссера. Но копии фильма на студии не было. Фильм находился у режиссера, про которого говорили скупо и жестко, как говорили о других: „Ушел на войну..."

Бездна, кого еще ты приготовилась поглотить?! Чья музыка должна прерваться? Чья? И нет этому конца? Этому конца нет?..

— Этому есть конец! — сказала женщина. Молодая. Красивая. Носящая имя цветка. Она была оттуда, из кромешного ада. Ее переправили из Гагры в Сухуми на вертолете согласно двусторонней договоренности. Она десять дней скрывалась в подвалах. Видела смерть. И она знала, что этому должен быть положен конец. Об этой женщине, носящей имя цветка и ведающей то, чего не ведают другие, — в следующем письме.

Э. ГОРЮХИНА,
профессор педагогического института,
учитель школы № 10
Новосибирск

СОВЕТЫ ГАЗЕТЫ

Считается, что контрольная — для проверки. Верно, но другая ее цель — укрепить веру в себя. Помогайте детям во время первых контрольных. И тогда последние контрольные дадут результаты получше.

Когда учатся с удовольствием? Когда с удовольствием учат

Москва, школа № 9
Директор
Александр Федорович Белянин
68 учителей
846 учеников
Адрес: ул. Новаторов, 34-1
тел.: 936-54-11

ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Рассказ о том, как физики-однокашники пришли к детям

Сколько бы ни спорили придирчивые теоретики образования, какая методика сильнее, как ни пытались бы в соответствии с этим определять значимость школ, у практика всегда останется свой — ненаучный, но испытанный подход: если дети и учителя умеют улыбаться, значит, в школе все в порядке. Значит, любая методика, какую ни возьми, приживется (при высоком профессионализме учителя, разумеется) и даст хорошие плоды.

В московской школе № 9 народ умеет улыбаться. Несмотря на то, что у учителей горы проблем, а у их подопечных — особенно старшеклассников — вроде бы немало поводов для недовольства и обид: во-первых, интенсивная программа, каждый день — по шесть-семь уроков. Во-вторых, после седьмого класса разделение на специализированные классы и простые.

Но это лишь на первый взгляд. На самом же деле у педагогов этой школы существует негласный кодекс защиты любого ребенка — от влияния авторитарных педагогических традиций, от колкостей и жестокостей сверстников, недопонимания родителей. Никогда учитель не вызовет к доске, если видит, что ученик чего-то не усвоил, а лучше позанимается с ним после уроков, с глазу на глаз. Индивидуальная форма работы здесь одна из самых предпочитаемых. Может, поэтому для большинства педагогов школы не существует разделения на рабочее время и нерабочее, свое и чужое?

За несколько дней, проведенных в девятой школе, мы не увидели ни одной детской слезы и не склонны думать, что преподаватели запугали или подкупили своих учеников, чтоб те продержались, пока по школе шныряют журналисты.

Среди учителей — в их отношениях, беглых разговорах, которые случалось наблюдать в крохотной учительской (ибо настоящая отдана под класс), — ни в одной из этих встреч мы не услышали недоброжелательства или напряжения. Напротив, приятно удивлял спокойный и приветливый тон их общения.

Потом мы узнали, что сердцевина педколлектива — старые приятели, институтские однокашники, а то даже муж и жена.

Само собой, далеко не все шестьдесят человек учителей — однокашники или родственники. Однако **однокашническая** атмосфера стала общей. Задача была сформулирована следующим образом: учить лучше, чем прежде, более осмысленно, выпускать, как говорил один из ее руководителей, **Леонид Леонидович ДОВЛАТОВ**, „современно образованных, интеллигентных людей". Путь, избранный ими, — составление собственных, пригодных для обучения современных ребят программ, когда работа ведется на стыке, скажем, географии и истории — „История великих географических открытий" в качестве первого шага в настоящую географию (ведет курс **В. В. СОЛОМИНА**).

Как понятно без всяких пояснений, это нелегко. Во-первых, это нелегко написать, придумать. Во-вторых, что оказывается труднее, убедить себя: это мне по плечу... бывшему рядовому учителю.

Впрочем, об их программах надо говорить подробно. И мы сделаем это. Когда пойдем вместе с вами на уроки.

О ФИЗИКАХ, ЛИРИКАХ И СТРАННОСТЯХ ДУШИ

Эйфория, захлестнувшая четыре года назад многие школы, не оставила в стороне и девятую. По замыслам учителей, предоставить каждому ученику шанс выбора предполагала классическая модель разделения — на физиков и лириков.

И к началу нового учебного года вместо трех седьмых классов в школе появились четыре восьмых (желающих из других школ добирали по конкурсу). Один класс соответственно уклону нарекли физическим, другой — гуманитарным. В двух оставшихся сохранялась обычная школьная программа с обучением лишь до десятого класса.

Было бы слишком нелепо исключить момент случайности или везения при таком отборе. И чтобы он не стал окончательным приговором для тех, кто по каким-либо причинам не сумел показать себя на экзамене, учителя сделали скидку: пусть ребята определяются в восьмом классе весь год. Допустим, если в середине года начинаешь вдруг понимать, что углубленная программа тебе неинтересна или не по плечу, переходи туда, где попроще. Ну а если чувствуешь, что хочешь и можешь своротить горы, атакуй углубленные потоки. В школе действительно бывали случаи, когда средненькие ученики обычных классов через год вдруг расцветали в специализированных.

Что касается лириков и физиков, с ними все казалось ясным — первых с головой окунули в математику и физику, вторых — в литературу и историю. Появившимися в гуманитарном классе новыми предметами — история музыки, история художественных искусств — физикам забивать головы не стали. Решили, что лучше пестовать высококлассных специалистов в какой-то одной области, нежели, как в былые времена, претендовать на подготовку всесторонне развитой личности.

Но дальнейшие наблюдения опрокинули первоначальные замыслы. Учителя стали замечать, что граница между техническим и гуманитарным мышлением весьма сомнительна. В физические классы, как правило, попадали не только те, кто выказывал явные способности к точным наукам, но и, как это ни странно, те, кто лучше разбирался в истории, глубже анализировал художественные тексты.

С одной стороны, особо удивляться тут нечему: как известно, в подавляющем большинстве выбор за ребенка делают родители. Многим из них гуманитарное образование кажется расплывчатым и неопределенным, а значит, несерьезным. Но еще больше страшит их то, что абстрактно мыслящий ребенок едва ли безболезненно впишется в ту реальность, где явное предпочтение отдается людям с экономическими и финансовыми познаниями.

Но, с другой стороны, рассуждали учителя, многие из тех ребят, кто шел в гуманитарный класс, скорее недолюбливали формулы и теоремы и зачитывались художественной литературой, чем были на самом деле гуманитариями. Стало быть, вероятность ошибки при явно условном разделении не уменьшается, а, напротив, может увеличиваться. Настоящих гуманитариев, по сути, единицы, физиков — гораздо больше. К тому же жизнь показывает, что хороший физик — есть в этом какая-то закономерность — всегда, как правило, незаурядная личность. Так справедливо ли ограничивать тех, в ком заложены такие широкие возможности?

Примечательно, что мысль эту подали именно учителя-физики. И с этого учебного года в физических классах — с восьмого по одиннадцатый — появился новый предмет — история художественных искусств. Час в неделю — лекция, два — практика.

— А физики не протестовали? — поинтересовались мы у преподавателя этого курса Елены Евгеньевны ЛОЗИНИНОЙ.

— У старших он вызвал большой интерес. У восьмиклассников проскальзывает иногда вопрос — да и то скорее в силу возраста — зачем? Вообще ценность предмета в том, что изучается он в тесной связи с литературой. И в этом отношении восьмой физический по сравнению со старшими оказался в более выигрышном положении: и на уроках искусства, и на уроках литературы изучение начинается с древнерусского периода. Потом, правда, идет Древний Египет, Древний Рим, а, мне кажется, с них как раз бы и надо начинать — ведь именно оттуда идет византийская культура, во многом питающая русскую. Но для того чтобы не терять связь времен и получать полное представление о культуре каждого исторического периода, нужно менять и программу литературы.

Что касается практических занятий, не у всех, конечно, получается сразу, но мы ведь не торопим, даем время подумать, на каждую работу отводим по нескольку уроков.

А что думают по этому поводу сами ребята?

Мужская половина десятого физического, склонясь над большими листами, творила (женская запаздывала из бассейна). Запах красок — почти как в мастерской художника — будил воображение.

Можно ли без этого обойтись? Наверное. Но если так ставить вопрос, то в принципе можно ведь обойтись без всего. Только кто от этого выиграет?

Появление нового предмета — первая серьезная попытка уйти от технократизма. Однако учителя прекрасно понимают, что она останется лишь формальной поправкой к расписанию, если не будет главного — системного подхода, невидимого и неосязаемого, который скрыт гораздо глубже — в отношениях между педагогами и детьми.

Сейчас в одном из младших классов Девятки преподает Роджер Портер — учитель из города Блумингтона (штат Миннесота, США)... Ох, наверное, влетает это в копеечку?! Ничего подобного: мистер Портер — энтузиаст. Ему просто интересно преподавать в интересной школе.

СОЧИНЕНИЕ НА СВОБОДНУЮ ТЕМУ

По идее на дверях школы должна бы красоваться табличка „Авторская школа". Такой статус она получила три года назад, став экспериментальной площадкой. Однако никакой таблички нет. Возможно, из-за суеверий. Впрочем, на суеверных здешние учителя совсем не похожи. Они подчеркнуто уверены в себе, хотя в этой уверенности нет ничего от самоуверенности сноба. Они не сомневаются в том, что могут все. Ну или почти все.

Отчасти, наверное, потому, что большинство из них молоды: средний возраст педагогического коллектива — чуть-чуть за тридцать. Еще, вероятно, потому, что костяк педколлектива — старые институтские приятели, сумевшие сделать так, что их однокашническая атмосфера — с неиссякаемой жаждой деятельности и постоянно возникающими идеями царит в школе.

По мнению самих учителей, единственное, что может еще сегодня удерживать в школе, — это возможность творчества. Так вот, в этих стенах она неограниченна. По крайней мере половина педагогов учат по собственной, авторской программе. Стимул для желающих себя проявить - аванс доверия, который выражен не в сиюминутных словесных подбадриваниях, а в конкретной поддержке — начиная от ксерокопий необходимого материала и заканчивая полной свободой действий в организации урока.

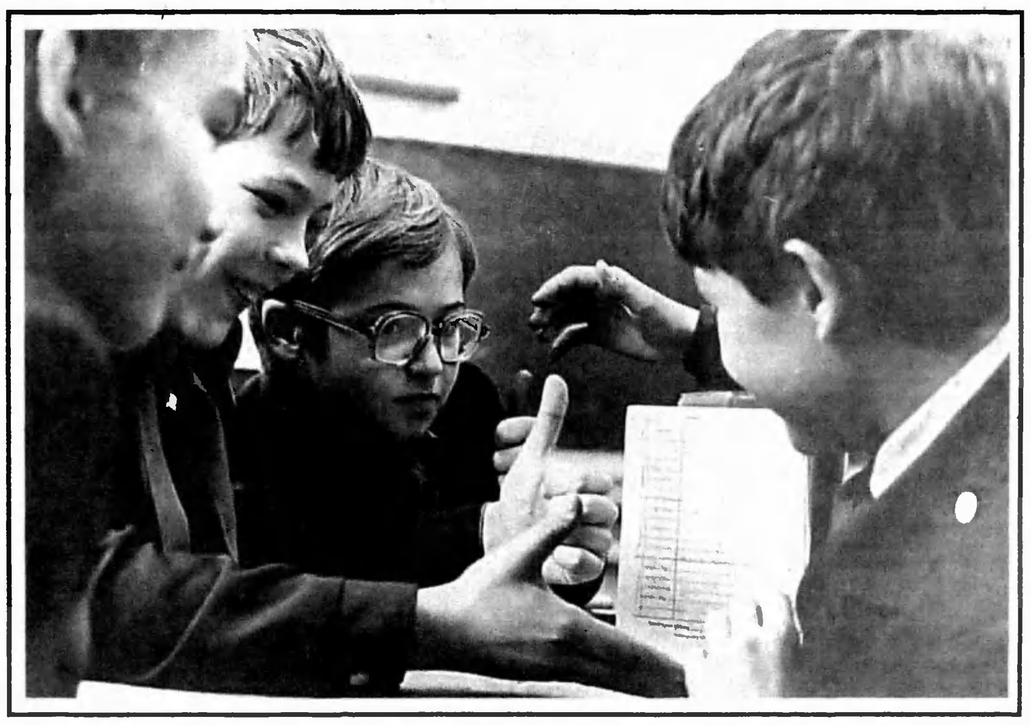
Когда три года назад руководители предложили учителям написать сочинение на свободную тему „Каким вы видите преподавание своего предмета?", некоторые сочли это за провокацию. Не вдаваясь в подробности действий начальства, оскорбленные положили на стол директора заявление об уходе. Но многие, в том числе и учителя с большим стажем, приняли правила заманчивой игры. И обнаружили в себе такие способности, о существовании которых раньше не подозревали.

Три года назад учитель французского **Александр Геннадьевич БЕЙЛЕЗОН**, работавший тогда в школе первый год, совсем было собирался бежать — не мог привыкнуть, как равнодушно воспринимали старшеклассники его предмет.

Школа № 9 — знаменитая в здешних окрестностях. Жители микрорайона говорят: „О, Девятка... Туда детей просто так не берут!"

Но остановил эксперимент, по которому обучение иностранным языкам начиналось с первого класса. И Александру с его классическим французским предложили первоклашек и группы из специализированных классов. То есть тех, кто готов интенсивно наверстывать упущенное, и тех, кому привить интерес к языку мог он сам.

Французский во втором классе прошел на одном дыхании. И без единой реплики на родном языке, за исключением объяснения нового грамматического правила. Энергичный учитель, словно опытный дирижер, самозабвенно выводил мелодию урока. У каждого неподготовленного мини-оркестра было свое соло. И что казалось особенно странным — малыши, не уставая, лепетали весь урок, хотя, если честно, от игры это было очень далеко.



— Поделитесь, как вам удается их так увлечь?

— Сейчас, как видите, не делаю для этого ничего. А когда они были первоклассниками, то в буквальном смысле ходил перед ними клоуном. Пел песенки, разучивал стишки, танцевал. Одним словом, весь год играли, прежде чем перейти к серьезному изучению языка. Самое главное — у ребят остался большой интерес, теперь они с удовольствием пишут, читают, справляются с большим количеством материала.

— А вы не боитесь, что большие нагрузки отобьют интерес?

— Я иду на это сознательно, зная, что серьезных предметов в это время у детей еще нет. Зато когда в пятом-шестом классе они начнутся, у французского уже будет такая солидная база, что ни о каких перегрузках и говорить не придется.

СКВОЗЬ ИГОЛЬНОЕ УШКО

Побывать на уроке **Татьяны Владимировны СИДОРОВОЙ** было интересно. Уже хотя бы потому, что прежде она преподавала старшим, у второклассников первый год. Название курса — „Окружающий нас мир".

Татьяна Владимировна учительствует уже двадцать два года. „О Господи, — подумали мы, — как же ей пришлось себя переломить, чтобы пройти сквозь игольное ушко новой системы преподавания, которая утвердилась в девятой школе".

Но опасение наше развеялось, когда мы увидели, как искренне и энергично она повела урок... Потом, когда спрашивали Сидорову, что лежит в основе ее программы, она ответила, как сперва показалось, не очень внятно: хочу, мол, чтоб ребятам **лучше было узнавать**.

Имея в виду эти слова, мы и стали вспоминать ее урок. Что же такое — лучше? Наверное, легче, интереснее, крепче...

Урок, между прочим, посвящен был исследованию, из чего состоит почва. На доске Сидорова написала слово „почва" и провела от него несколько стрелок — для составных частей. Затем с помощью некоего опыта (о котором речь впереди) ребята стали узнавать, из чего же она состоит. Сидорова просила кого-то из учеников записать новые слова на доске под стрелками: песок, перегной, глина... И каждый раз внимательно следила, чтобы слова были написаны правильно. Она для того и ребят вызывала, чтоб привлечь внимание класса к... орфографии.

На предмете, который, так сказать, трактует совсем иные материи!

Для Сидоровой орфография была важна! И как самоцель. Ведь русский язык — важный учебный предмет, и... вы только представьте, как легко и крепко запомнится понятие, когда — вот она, настоящая глина на дне стакана для опыта, вот звучащее слово, вот буквенный образ да еще и прибитый к памяти орфографическими правилами...

Татьяна Владимировна зажгла спиртовку, чтобы выпарить капельку воды и показать, что в почве есть и такой компонент, как минеральные соли.

— Горит! — восхищенно пропело несколько голосов.

Сидорова сейчас же притушила голубой лоскутик пламени:

— Это, ребята, спиртовка...

Затем сжато и ясно растолковала им, как устроена одна из самых древних носительниц огня и для чего нужна. А мы подумали, как точно был выбран момент для объяснения — на самом пике интереса. Но главное в другом: она ничего не оставляла для них непонятным... Для Сидоровой спиртовка была частью окружающего нас мира, значит, тем, о чем она должна говорить с учениками.

Было интересно наблюдать, как она использует два противоположных... начала, что ли. Одно — практическая сметка, которая есть у каждого ребенка. Интонацией, улыбкой, всей манерой поведения на этом уроке учительница как бы говорила: „Почва? Ну, это же просто земля. Она такая знакомая. Разве вы не знаете, из чего она состоит?" И в то же время Сидорова играла с ними в значительность открытия, в значительность приобретения именно научных знаний. О, если бы найти слова, чтобы описать, с какой тщательностью девчонка, сидящая рядом с нами, сыпала в химический стакан с водой пол-ложки земли, чтобы потом размешать получившееся стеклянной палочкой. А ведь она делала это сто раз — когда варила суп для своей куклы. Но здесь был научный опыт, и Татьяна Владимировна ненавязчиво, но упорно напоминала ученикам своим, что они действительно делают открытие — пусть крохотное, пусть только для себя. И чувство благородного трепета, которое сейчас роднило маленьких исследователей с великими алхимиками, Ломоносовым, Менделеевым...

В классе их было двадцать три или двадцать четыре человека. Они сидели четырьмя такими как бы научными командами. Каждая **вокруг** своего стола. Это не банально, не **по-школьному** организованное пространство тоже настраивало детей на особый лад...Мир науки, открытия, споры... А у нашего научного коллектива получилось лучше: у нас на дне черной воды песчинки отложились, а у Катьки Борисенковой нет!

ХОТИМ ИЗУЧАТЬ СКЕЛЕТ ЧЕЛОВЕКА!

И дисциплина на этом уроке была особенная — приведшая бы в ужас многих и многих учителей. Но из других школ. Вместо привычного **нормального:** „Встань, как положено! Вот теперь отвечай" - они отвечали сидя. А стояла как раз учительница. Вернее, она двигалась между столами. И в этом не было панибратства, потери авторитета и... прочей чепухи. Это были равноправные отношения людей, занимающихся общим делом. И притом серьезным делом, наукой — до вставания ли тут!

Когда подкатывала такая необходимость, молодой ученый тихо вставал и выходил из класса. Без спроса, даже без поднятий руки! Мы специально следили за этим **процессом** и можем свидетельствовать: никто из них лишнего не гулял. Дисциплина доверия — вот, пожалуй, лучшая из возможных дисциплин. Хотя это и трудная вещь. Всегда в затылок дышит возможность, что сейчас вот и сядут тебе на шею. Верней, такая возможность существует для тех, кто не доверяет своим ребятам, кто их... боится. Нам кажется, Сидорова об этом не думала вовсе. Потому что она не отбывала номер — ей было по-настоящему интересно...

Что? Конечно, не узнавать про составные части почвы. Но ей интересно было вести урок, интересно было следить, как ее ученики познают мир...

Мы прогляделись, кому она это сказала. Кажется, просто себе. Как бы в подтверждение своей правоты. Остановила объяснение. Положила руку на голову мальчику, который стоял и смотрел на нее:

— Вот Сережа Самохин стоит, а он меня слушает!

И еще там произошел вот такой замечательный, на наш взгляд, случай. Был уже конец урока, и все малость подустали. Мальчик по имени Костя с отрешенным видом смотрел в окно. Татьяна Владимировна видела это, но не делала замечаний, продолжала урок. Разговор шел о защите окружающей среды, точнее, о тех вредных вещах, которые ее портят. Они вспомнили и химзаводы, и Чернобыль, и консервные банки, и еще с десяток всего. И вдруг этот мальчишка отрешенный повернулся и сказал:

— А еще выхлопные газы из машин!

Татьяна Владимировна остановила класс, и тогда мы точно поняли, что она видела этого мальчика, следила за ним. Сказала:

— Да, правильно, Костя, молодец!

Надо много выдержки иметь, чтоб не орать на человека, и уже через полминуты: „А ну-ка сядь, а нука слушай!" И еще надо очень понимать свое место в учебном процессе. Потому что многие учителя — не только теперь, испокон веку — думают, что в школе главные — они, а ведь на самом деле в школе главные - дети. Удобно, комфортно в школе должно быть не учителю, а ученику.

После урока мы еще поговорили немножко. Татьяна Владимировна рассказывала, на какие экскурсии она ездит с ребятами.

— А зимой, — говорит, — детям на автобусе нельзя: скользко, опасно. И мы приглашали к себе зоопарк.

— Господи, зачем?

— Изучали тему „Жизнь животных зимой".

Можно только представить, какие это были потрясающие уроки! Хотя, конечно, слона и крокодилов в актовый зал на пятый этаж не доставили, но лиса была, и хорек, и заяц, и змея, и енот. Тут, нам кажется, не жалко никаких денег, лишь бы они сами увидели широко открытыми от любопытного счастья глазами, что вот этот зимой точно спит, а у этого с первым снегом шубка и правда что побелела!

— Мы первоклассникам, — рассказывала Татьяна Владимировна, — вот об эту пору устраиваем каникулы на недельку. Они устают... И в прошлом году приходят ко мне первоклашки, говорят: „Не хотим мы на каникулы. Мы хотим дальше скелет человека изучать!" Я им отвечаю: „Так идите к директору, стукните кулаком..." И что вы думаете, пошли. — Сидорова рассмеялась.

Будь мы первоклассниками, честное слово, наверное, поступили бы так же!

15 апреля 1993 года двери Девятки будут открыты особенно широко и приветливо. Ведь в этот день школа отмечает свое тридцатилетие. Будет грандиозный праздник — по слухам, даже с фейерверком... А кто придет? Все друзья!

A PROPOS

Тут самое время обмолвиться, что в девятой школе живут и работают отнюдь не беспочвенные идеалисты, которые кладут голову на ниве народного образования, до самозабвения веря в светлое будущее. Наши герои... как бы получше выразиться, — люди находчивые и ловкие. В самом лучшем смысле этого слова.

Вот пример. Школа переполнена, в ней около девятисот ребят и всего пять этажей. Как в таких условиях можно обойтись без второй смены? Оказывается, очень просто. Руководители школы договариваются с близлежащим детсадом и переселяют туда своих первоклассников. Причем за бесплатно.

Или вот еще. В школе крохотный спортзал, двора практически нет, стадиона нет вовсе. Физкультурой при дикой перенаселенности приходится заниматься в актовом зале, подымая клубы паркетно-мастичной пыли, а то и просто на лестнице. Но руководство выкручивается и здесь: арендуют бассейн и спортзалы спорткомплекса, что в Олимпийской деревне, и раз в неделю устраивают старшеклассникам „плавающий выходной".

По ходу узнаем, что удовольствие это стоит весьма и весьма дорого. Понимающе киваем: значит, выручают родители?

— Нет, — отвечают, — сами достаем.

Итак, во многих еще ипостасях школьной жизни — от автобусов, экскурсий за город, которые случаются каждый месяц, или традиционных праздников „Русская зима" до ксерокса, компьютеров и телескопа в обсерваторию, которая скоро откроется... на крыше.

Дальнейшие расспросы и копания мы сочли излишними — к чему считать деньги в чужом кармане? Тем более что из **добытых** для школы денег на зарплату учителям не тратится ни копейки.

„ВОЗЬМЕМСЯ ЗА РУКИ, ДРУЗЬЯ, ЧТОБ НЕ ПРОПАСТЬ..."

— Приемные экзамены в первый класс — а не слишком ли это?..

— Понимаете, — объясняет завуч школы Леонид Леонидович Довлатов, — если готовить современно образованных людей, открытых к восприятию современного образования, необходимо дать понять — ребятам и родителям, что в учении у нас и при поступлении к нам нужен определенный напряг.

— И в такую школу хотят?

— В прошлом году был конкурс 2,7 на место.

— Как в университет!

— Слух идет по району: у нас интересно, весело.

— А что такое *интересно* и что это такое - *напряг*?

— Напряг — это, скажем, всего одиннадцать часов в неделю на русский язык и математику во втором классе. Притом, что объем знаний должен быть достойный: ведь в перспективе эти ребята пойдут в физматклассы... А интересно — это пять уроков движения в младших классах: физкультура, ритмика или хореография, это учителя с интереснейшими программами, например, с возможностью неплохо изъясняться на иностранном языке уже в конце второго класса... Так что игра стоит свеч!

И тут мы переглянулись: да, игра стоит свеч. Но что происходит с теми маленькими **игроками**, которые не сумели победить?

Ведь это может породить и порождает в ряде случаев очень серьезные проблемы, когда возле образцовой школы появляются школы-„отстойники", где сами собой на свет появляются скука, недовольство, криминогенная обстановка...

— Так что скажете, Леонид Леонидович?

Довлатов, который, надо заметить, более всего нами занимался и которому потому больше всех от нас и доставалось, спокойно улыбнулся в ответ:

— А вы сходите к нам в первые классы!

И вот мы в детском саду — том самом, где занимаются первоклашки девятой школы.

Учительница I „А", чрезвычайно милая **Любовь Михайловна КИСЛЯКОВА**, которой поручили быть нашим чичероне, всплеснула руками:

— Такой день неудачный — все кувырком: у нас сегодня прививка!

И все же мы, естественно, попросили провести нас по этому весьма своеобразному учебному заведению. Несмотря на нашу настороженность, сама идея поселения первоклассников в детский сад казалась совсем недурной. И перваки не теряются в столь грозном и столь взрослом школьном море, а привыкают к нему постепенно (на некоторые уроки малыши ходят в свою будущую альма-матер). И детсадовцы, с почтением взирая на настоящих школьников, тянутся за ними, стараются постигать премудрости своих программ.

И вот мы в одном из классов. Это очень просторная комната, скорее даже зал. В одном углу возле доски легко умещаются учительница и весь выводок первоклашек. На другой половине стоят пальма и фикус, лежит ковер, тут же диван и скамейки. Смирно сидят игрушки... На переменке это — все твое!

Идет урок русского языка — предмет, всякий знает, не самый увлекательный. Однако на нас, сидящих в глубине зальчика, дети что-то никакого внимания. Значит, все же увлекательный предмет русский язык в этой школе?.. На беду мы так и не узнали разгадку этой тайны, потому что слушали рассказ Кисляковой.

— Нет-нет, мы не платим. Но есть договоренность: детей из этого сада принимаем в первую очередь... А что вы удивляетесь, к нам все рвутся! Вообще с детским садом у нас большие общие планы. Лишь бы... лишь бы не приватизировал его кто-нибудь да не устроил бы, извините... публичный дом, как уже не раз бывало.

Вот еще. Здесь то ли урок чтения, то ли развитие речи. Учительница читает, дети тихо слушают. А двое... это уму непостижимо, один лежит под диваном, другой — в шкафу!

— Это подвижные дети, — поясняет Любовь Михайловна, — мы им разрешаем...

— Что?

— Ну... — она улыбается, — подвигаться!

Почему-то при этом другие детки не завидовали им и не кидались тоже в шкафы и под диваны, а просто сидели на стульчиках за партами, хотя учительница явно не принуждала их ни розгой, ни окриком. Третий класс был в противоположность первым двум маленькой комнаткой, где в кружок сидели семилетние клопы и клопихи. Они пели — не Бог весть на какой мотив. Но зато по-английски! „Уот из ю нейм? Уот из ю нейм?.. Уот ду ю хэв? Уот ду ю хэв?" Оказалось, с этими вопросами дети обращались к одному из нас. Пришлось с некоторым опозданием и хрипло от волнения петь свое имя, отвечать, какой в наличии „хэв"...

Пели они, потому что так лучше запоминается — по здешней теории — и крепче. Надо, чтоб в процессе запоминания участвовало как можно больше компонентов. Желающие могут считать их теорию завиральной, однако... уже сносно говорят во втором классе! Причем часов не так уж много — три в неделю...

— Любовь Михайловна, а как все-таки у вас проходят приемные экзамены?

— Прежде всего очень доброжелательная обстановка. И причем только играем... Сейчас объясню. Например, просим нарисовать человека. Это известный тест. Хорошо, если полная фигура с конечностями, с пальцами. Видно, мужчина это или женщина. Или рисуем геометрические фигуры — квадрат, круг, треугольник, просим дорисовать, чтобы стало каким-нибудь предметом... Просим почитать...

— И если фигура плоха, если не знает букв, то...

— Ничего подобного! Ведь это лишь первое приемное собеседование, оно в феврале. И мы говорим родителям: „Ваш ребенок недобрал баллы. Позанимайтесь!" Вообще мы проверяем не умственные способности, а подготовленность. Второй раз мы встречаемся с ними в апреле. И опять у недобравшего остается шанс — еще одна попытка в августе.

— Но ведь не все родители могут подготовить ребенка...

Кислякова грустно улыбается:

— У нас в окрестных домах родителей даже слишком много!

— И что же эти ребята?

— Если из нашего микрорайона, то почти наверняка примем! Тут все права на стороне территориального принципа.

— А как же конкурс 2,7?

— Так это для ребят из чужих микрорайонов. Уж там мы выбираем лучших из лучших.

— А своих — всех?

— Практически.

— Ну ладно. Вот вы набрали какое-то количество ребят, которые не могут учиться в ваших особых первых классах, и что же? Для них с первых дней школьной жизни начинается жизнь изгоев?

— Отчасти да. Отчасти нет. И чем дальше, тем изгойства этого меньше.

— Поясните, пожалуйста.

— Ну, во-первых, мы очень серьезно работаем на хороший микроклимат. Хотя этим, естественно, до конца дело не поправишь. Поэтому мы организовали тьюторскую группу. В ней доводим слаборазвитых ребят до нужного уровня.

Причем главным мы считаем развивающие игры, в которых тренируем у ребят внимание, сообразительность, память, учим их умению общаться. — Это уже включается в разговор Светлана Сергеевна Попова, которая и ведет тьюторскую группу.

— Ну и как, есть сдвиги?

— Иначе не стоило бы заниматься!

— Вам интересно с ними?

— Раньше это называлось трудно, но интересно... А если серьезно, каждый день видишь результат.

Светлана ПОПОВА еще учится в пединституте и работает в контакте с психологом школы **Натальей Аркадьевной ХОЛИНОЙ**, к мнению которой прислушиваются в школе едва ли не все.

К ребятам из тьюторской группы особое внимание и со стороны учителей. Развивающие игры дело хорошее, но без математики и чтения тоже не обойтись. Значит, необходимы дополнительные занятия.

— Учителям за них платят?

— Да нет, — ответила Кислякова, *— никто из нас так даже вопроса не ставил!*

— Леонид Леонидович, — допытывались мы у Довлатова, — ну коли у вас так хорошо, все спорится, почему не становитесь частной школой или гимназией? Или, скажем, не присоединитесь к какому-нибудь вузу?

— Ни первое, ни второе, ни третье не совпадает с нашими замыслами. В частной школе на первом месте все-таки комфорт — от черной икры до облегченной программы обучения включительно. Там родитель говорит: „Я вам заплатил за ребенка и хочу быть спокойным за него. А недостатки образования... Он же пойдет по моей стезе!"

Под институтское крылышко не идем, потому что в модном сейчас тандеме школа — вуз нас не устраивает, что старший смотрит на младшего собрата снисходительно и явно потребительски — как на поставщика абитуриентов.

Ну, а гимназией не становимся потому, что не хотим вообще никакой элитарности, закрытости. Мы экспериментируем и по крайней мере на ближайшее время предпочитаем продолжать поиск.

Е. ЛОСЕВСКАЯ,
С. ИВАНОВ

ИЗ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ: четверговая школа – это школа, о которой газета „Первое сентября" рассказала в один из четвергов. Синоним: интересная школа

Клод ГЕЛЬВЕЦИЙ

ФИЛОСОФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО

О ЯСНОСТИ СТИЛЯ

Недостаточно иметь ясные и истинные идеи. Чтобы сообщить их другим, надо уметь выражать их ясно. Слова суть знаки, представляющие наши идеи. Последние неясны, когда неясны эти знаки, т. е. когда значение слов не определено самым точным образом.

Вообще все то, что называют удачными оборотами, суть лишь обороты и выражения, наиболее пригодные для выражения наших мыслей. Поэтому почти все правила стиля сводятся к ясности.

Почему во всякой книге двусмысленность выражения считается главным недостатком? Потому, что двусмысленность слова распространяется на идею, затемняет ее и мешает ей произвести сильное впечатление.

Почему от автора требуется разнообразие в стиле и в оборотах речи? Потому, что однообразные обороты речи притупляют внимание, а когда внимание притуплено, идеи и образы выступают перед нашим умом менее ясно и производят на нас слабое впечатление.

Почему требуется точность стиля? Потому, что наиболее краткое и в то же время подходящее выражение есть всегда самое ясное выражение.

Почему от всякого произведения требуется чистота и правильность? Потому, что и та и другая вносят в него ясность.

Наконец, почему с таким удовольствием читают писателей, излагающих свои идеи в блестящих образах? Потому, что их идеи становятся от этого более действенными, более отчетливыми, более ясными и, наконец, более способными произвести на нас сильное впечатление. Таким образом, все правила стиля имеют в виду одну только ясность.

К.-А. Гельвеций (1715 – 1771), французский философ-материалист.

РАВЕНСТВО ПРОТИВ ПРИРОДЫ

ОЧЕНЬ МУЖЕСТВЕННОЕ

Заметки о феминизме

„ТЫ КТО – мальчик или девочка?“ Каждый из нас задавал этот вопрос малышу в шубке. Сейчас, однако, дедо малышами не ограничивается. Бери старше – этот вопрос провоцируют уже и тинэйджеры. В самом деле, по нынешней одежке пол не определяется. Все сплошь в кроссовках, свитерках, брючках и курточках. Одежда всепогодная и обоюдополая. Девушки, подстриженные коротко, и юноши с длинными волосами. Писклявые голоса молодых людей и прокуренные регистры их подруг, срывающихся на матерок.

Молодежь чувствует время кожей – нынешняя городская жизнь действительно нивелирует пол. Все обучаются в общеобразовательной школе, изучают одни и те же предметы, ходят в одни и те же учреждения и конторы. И работу выполняют одну и ту же. При современной технике исчезает (по крайней мере в тенденции) противостояние физического и умственного труда, и почти любая профессия становится доступной как мужчине, так и женщине. А если равенство в работе и жалованье, то, значит, должно быть равенство всюду – хоть в приготовлении пищи, хоть в воспитании детей, хоть в одежде. А если равенства нет, то женщина начинает протестовать, становится феминисткой.

В силу общезапаздывающего развития нашего общества феминизм как идеология и как организованное движение еще не набрал у нас полных оборотов, а вот на Западе – так уже да. Там существуют сотни феминистских организаций. Дамы держатся за свои чемоданы, считая для своей независимой сущности оскорбительным доверить их „сильному полу“, пальто надевают сами и сами же расплачиваются в кафе. Мол, сами мы, сами, хоть и не с усами, но сами.

Конечно, феминистское движение и его бытовые отражения принимают, как это всегда бывает при зарождении общественно нового, несколько наивные и карикатурные формы. Конечно, в стремлении к равенству возможностей есть своя правда. И все-таки, однако, но...

КУЛЬТУРА есть некоторый набор правил. Какие-то из них имеют характер поверхностный и вполне условный (есть можно вилкой, а можно и дальневосточными палочками; писать можно слева направо, а можно и справа налево), а какие-то имеют глубочайшие общебиологические основания. Игнорирование этих основ, составляющих остов жизни, может иметь катастрофические последствия.

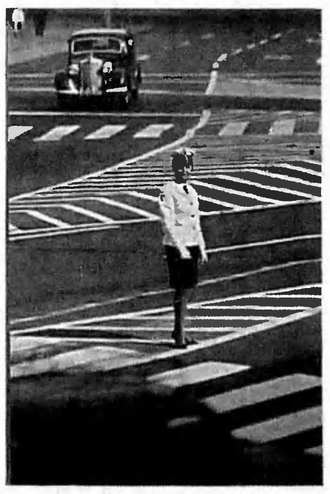
Противопоставление мужского и женского имеет в любой культуре фундаментальный характер и в значительной степени обусловлено самой биологией – ведь и в животном мире поведение самцов и самок совершенно различно. В общем и целом это различие может быть выражено так: самка ответственна за рождение и воспитание детей, самец – за прокорм. В зависимости от вида имеются вариации, но, повторяю, общая закономерность именно такова.

Дети с их еще не замутненными мозгами прекрасно отдают себе отчет в изначальной неодинаковости мужского и женского: девочка безошибочно тянется к куклам, мальчик – к машинам. Моя четырехлетняя тогда дочь важно объясняла мне, что мальчикам положено есть морковку (т. е. твердое и сырое), а девочкам – кашу.

Спору нет – функциональные различия между полами приняли в человеческой истории иерархический характер, и женщины заняли на этой лестнице подчиненное положение. Однако в результате наблюдаемой в последнее столетие тенденции к уравнительности, отслеживаемой во всех сферах социальной жизни, женщина к концу XX века почти во всех странах мира получила одинаковый с мужчиной политический и экономический статус. И против этого трудно что-нибудь возразить.

Вопрос в другом: уравнительные тенденции, активно подталкиваемые феминистскими организациями, продолжают действовать, ликвидируя культурные атрибуты пола вообще. Следуя за советизмом „товарищ“, Запад вместо „мистер“ и „миссис“ гоже изобрел свои бесполые обращения. Ярлык „мужской шовинизм“ приклеивается всякому, кто посмеет усомниться в праве женщины заниматься тяжелой атлетикой (и ведь проводятся уже чемпионаты мира!) или боксом.

Взяв мужское поведение за эталон, женщины отказываются от покровительства женских домашних божеств и переходят под руку мужских. Тысячелетиями мужчина и женщина дополняли друг друга, ибо мужчина был ответствен за изменения в жизни социума (изобретал, покорял пространство, рисковал), а женщина – за его стабильность, неизменность. Принимая ответственность за динамический компонент, женщина неизбежно вытравляет из себя все то, что способствует стабильности. Недаром поэтому родина феминизма – США и страна, где идея повседневного равенства полов всячески поощрялась сверху, – СССР демонстрируют абсолютно чемпионский уровень развала семей – 50 процентов.



Нынешняя городская жизнь уравнивает мужчин и женщин. Все обучаются в одной школе, изучают одни и те же предметы, ходят в одни и те же конторы.

Занятая делами рабочими, феминистка воспринимает себя прежде всего как экономическо-погребительскую ячейку общества и навязывает миру именно такой бесполый образ. Достаточно сравнить идеал женской красоты сто лет назад (зафиксированный на дагерротипах тогдашних ню) и сегодняшний, чтобы убедиться: пышнотелая матрона с развитыми формами, приспособленными для деторождения и детокормления („машина по производству детей“, как ее презрительно кличут феминистки), уступила место типажу, абсолютно чуждому производительной функции.

Кто из женщин обладал в советском обществе наиболее высоким престижем? Совсем не те, кто честно исполнил свой долг, предназначенный им природой, а те, кто подтянулся до мужчин и сугубо мужского дела: комиссарша в кожаной куртке, комбайнерша, летчица и космонавтша.

И ВОТ в 1992 году количество смертей превысило количество рождений – началась депопуляция. А что вы хотите, если единственным божеством женского пола в последние десятилетия была Родина-мать, которая на самом деле никакого отношения к материнству не имеет – ведь основным атрибутом ее иконографии является орудие убийства – разящий меч.

Западным суфражисткам задуматься бы над нашим печальным опытом, но как-то не получается. Идея равенства доводится до абсурда – до признания идеальным состоянием общества полного равенства. А ведь устойчивость любой системы определяется, в частности, разумным многообразием входящих в нее элементов. Ликвидируя разницу между полами, мы обкрадываем себя не только эстетически, но и ставим под сомнение выживание человека как вида.

Права правами, но некоторыми из них лучше не пользоваться, ибо, как говорили греки, „нет множества – нет движения, нет становления“.

А. МЕЩЕРЯКОВ

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

ОЧЕНЬ ОСНОВАТЕЛЬНОЕ

Человек так устроен, что он предпочитает оставаться неподвижным, чем не по своей воле идти к неизвестной ему цели

ПЕРВЫЙ ОБРАЗ

В тридцатые годы прошлого века два француза выехали в путешествие из своей прекрасной Франции, один на восток, другой на запад. Позже оба, примерно в одно и то же время, ну лет пять разницы, не больше, написали по книге о своих путешествиях – не знаю, были ли они знакомы между собой, эти два путешественника. Тот, что поехал на восток, в Россию, барон де Кюстин, описал, собственно говоря, не Россию, а некую страну абсолютной несвободы. Если описания де Кюстина принимать как свидетельство, то оно наверняка может быть оспорено, оно получается слишком обидным, и книгу де Кюстина до сих пор называют злопыхательской. Но выскажу предположение, что автор не держал зла на Россию, его интересовала деспотия как таковая, он старался понять ее устройство – поэтому-то он повсюду замечал лишь следы рабства, и больше ничего. Быть может, это была одна из первых антиутопий в мировой литературе. Похожи его описания на правду или не похожи – это вопрос бессмысленный. Дело было сделано, и если вы хотите изучать механизмы абсолютной власти, то книга Кюстина может послужить превосходным пособием, недаром иные ее страницы кажутся написанными в годы современной, XX века, сталинской деспотии.

Примерно то же самое произошло и со вторым автором, Алексисом (или Алексеем – и так называют его переводчики) де Токвилем, который поехал на запад, через океан, в североамериканские штаты и написал толстую книгу „О демократии в Америке“. Он тоже не столько Америку описывал, сколько идеальную демократию, ее устройство, ее винтики и колесики, и так описывал, что сегодня книга порой кажется утопией. Де Кюстин попал в Россию в ее худшие времена – в царствование Николая Первого; де Токвиль попал в Америку в ее лучшие времена, когда равенство белых людей было на пике своего развития, когда каждый мог получить земельный надел, а гражданской войной, вскоре разразившейся, еще и не пахло. Один писатель очернил страну пребывания, другой приукрасил ее, но что ж теперь, спустя столько лет, судить их? К тому же Токвиля Америка, судя по всему, интересовала столь же мало, как Кюстина Россия: оба думали главным образом о своей родине, о Франции, о Европе. Кюстин писал о мраке несвободы, чтобы он никогда не накрыл Францию, Токвиль писал о солнце свободы, чтобы оно быстрее засияло над его родиной. Де Кюстин был малоизвестный человек, а де Токвиль позже, хоть и недолго, был французским министром иностранных дел.

Любопытно, что судьба обеих книг примерно одна и та же: их не переиздавали у нас десятилетиями. Кюстина не издавали потому, что его описания, как уже говорилось, один к одному совпадали с действительностью социализма и выглядели ужасным разоблачением; Токвиля не издавали, потому что изображенная им демократия выглядела бы слишком соблазнительно и потому что нельзя было об Америке так хорошо писать.

Кюстина наконец издали, дошла очередь и до Токвиля... Хотя Токвиль в десять раз интереснее Кюстина. Книга Токвиля впервые вышла во Франции в 1835 году, у нас была переведена в шестидесятые годы прошлого века. Второе издание вышло в Москве в 1897 году – перевод с 14-го французского издания – вот оно-то и перед нами. Большой, на шестьсот с лишним страниц тяжелый том, и кажется оскорбительным, что мы не только не читали его в юности (это совершенно необходимо для образования), но даже и не слышали такого имени – де Токвиль.

Многое о демократии из этой книги узнаешь впервые. Переводчик книги В. Лиид отмечает в предисловии (1897 год): „Многие положения, высказанные Токвилем, сделались в настоящее время азбучными истинами в политическом учении Западной Европы...“ Азбука демократии, образ демократии, а можно сказать – ее первое Евангелие.

Почитаем хотя бы отрывки.

АЗБУКА ДЕМОКРАТИИ

Великий демократический поворот совершается между нами; все его видят, но не все одинаково судят о нем. Одни видят в нем новость и, считая его случайностью, надеются еще остановить его, между тем как другие признают его неотвратимым, потому что он кажется им фактором самым непрерывным, самым древним и постоянным из известных в истории.

Христианство, сделавшее всех людей равными перед Богом, не будет иметь ничего против того, чтобы все граждане стали равными перед законом.

Неужели же все века были похожи на наши? Неужели человек всегда имел перед собою, как в наше время, мир, в котором нет никакой связи, где добродетель бывает без гения, гений без чести, где любовь к порядку смешивается со склонностью к тирании и священный культ свободы – с презрением к законности, где совесть лишь бросает сомнительный свет на человеческие дела, где нет более ничего, что признавалось бы запрещенным или позволенным, честным или постыдным, верным или ложным?

...В моральном мире все оказывается на своем месте, все приведено к соответствию, все предвидено и решено заранее. В политическом мире все волнуется, все недостоверно и подлежит спору, в одном – пассивное, впрочем, добровольное повиновение, в другом – независимость, пренебрежение к бывшим опытам и ревнивое отрицание всякого авторитета.

...Мне известны только два способа водворить равенство в политическом мире: или дать права каждому гражданину, или не давать их никому.

...Существует мужественное и законное стремление к равенству, которое заставляет людей желать, чтобы все были сильны и уважаемы. Это стремление направлено на то, чтобы низших поднять до уровня высших; но в человеческом сердце бывает и извращенная склонность к равенству, вследствие которой слабейшие желают низвести до своего уровня более сильных и которая ведет людей к предпочтению равенства в рабстве неравенству при свободе.

... Когда все граждане почти равны между собой, то им становится трудно защищать свободу против захватов власти. Так как никто из них в таком случае не оказывается достаточно сильным, чтобы успешно бороться в одиночестве, то свобода может быть охранена только соединением силы всех; но такое соединение не всегда встречается.

Есть страны, в которых власть, находясь как бы вне общественного организма, действует на него, направляя его по известному пути.

Есть другие, в которых сила разделена, находясь одновременно и в обществе, и вне его. Ничего подобного нет в Соединенных Штатах; общество в них действует само собою и на себя; всякая власть существует только в его среде; невозможно даже найти никого, кто осмелился бы вообразить, в особенности высказать о возможности искать ее где-нибудь в другом месте. Народ участвует в составлении законов выбором законодателей, а в их исполнении – выбором агентов исполнительной власти. Можно сказать, он сам управляет, настолько слаба и ограниченна часть управления, предоставленная администрации, так отражается на последней ее народное происхождение и так она повинуется силе, от которой исходит. Народ царствует в американском политическом мире, как Бог во вселенной. Он есть причина и цель всех вещей, все исходит от него и к нему возвращается.

...Во всем, что касается отношения граждан, он (человек) становится в положение подданного. Во всем, что касается только его самого, он остается господином; он свободен и в своих действиях отдает отчет одному Богу. Из этого вытекает то правило, что каждый отдельный человек есть лучший и единственный судья своих частных интересов и что общество только тогда имеет право направлять его действия, когда от этих действий оно чувствует для себя ущерб или когда оно имеет нужду в его помощи.

Можно сказать вообще, что общество имеет в своем распоряжении только два способа заставить служащих лиц повиноваться законам.

Оно может дать одному из них дискреционное право распоряжаться всеми другими и в случае неповиновения сменять их.

Или оно может поручить судам налагать судебные наказания на неповинующихся.

Нужно всегда помнить, что выбранная власть, которая не подчинена судебной власти, рано или поздно ускользает от контроля или сама подвергается уничтожению. Между центральной властью и выбранными административными учреждениями посредником может быть только суд. Он один может принудить выборного чиновника к повиновению, не нарушая прав избирателя.

Поэтому расширение судебной власти в политическом мире должно идти рядом с расширением сферы избрания. Если эти две вещи не идут вместе, то государство наконец впадает или в анархию, или в рабство.

Признаюсь, что трудно определенным образом указать способ, как разбудить спящий народ и дать ему стремления и знания, которых у него нет. Я знаю, что убедить людей в том, что они должны заниматься своими делами, – задача трудная. Часто бывает менее трудно заинтересовать их подробностями какого-нибудь придворного этикета, чем исправлением их собственного долга.

Но я думаю также, что когда центральная администрация утверждает, что она вполне заменит собою свободное содействие людей, непосредственно заинтересованных, то она или сама обманывается, или хочет обмануть.

Центральная власть, какой бы просвещенной, какой бы сведущей мы ее ни воображали, не может одна охватить все частности жизни большого народа – не может потому, что подобный труд превышает силы человеческие. Когда она хочет одними своими стараниями создать и поддержать действие стольких отдельных ведомств, то она или довольствуется очень несовершенными результатами, или же истощается в бесполезных усилиях.

Виссарион Белинский: религия отрицания

Белинского называли „духовным отцом русской интеллигенции“. Сформулировано это было Сергеем Булгаковым в начале XX века. Тогда, в начале столетия, стало необходимым понять феномен русского интеллигентского сознания, соединяющего в себе созидательную и разрушительную мощь; во всей полноте это совместилось в личности Белинского; к нему обратили взгляды русские философы.

Сегодня он также останется отцом русских интеллигентов, хотя многим такое родство и кажется неприятным. Тогда, в первой половине XIX века, российские романтики-философы через разрывы и бездны собственной истории жаждали новой религии, нового Бога. То, что в других странах занимало столетия, наши духовные вожди переживали за годы, а порой и месяцы. Отсюда невероятные повороты, сменяющие друг друга взгляды, мгновенные разрывы с единомышленниками, после – пылкие примирения. То, что пережил Белинский в своем духовном и интеллектуальном развитии за двадцать лет жизни, последующая интеллигенция повторяла шаг за шагом в течение XIX и начале следующего века.

Белинский был беден, но ему удалось поступить на словесный факультет Московского университета, правда, ненадолго; от занятий и экзаменов его уносили мысли о литературе и театре. Вскоре его исключили из университета „по ограниченности способностей“. После над ним смеялись: „Не зная порядочно арифметики, судил и рядил о Фихте и Гегеле“. Но в этой насмешке вся судьба нашей интеллигенции: не специальность обретать, не место на службе, а мучительно искать истину, не заботясь ни о чем земном.

Учение Шеллинга и Гегеля он воспринял как ответ на все мучающие его вопросы. Он не просто изучал Гегеля, он терзался им, страдал. „Иная мысль живет во мне полчаса, но как живет? – так, что если сама не оставит меня, то ее надо оторвать с кровью, с нервами“. Приняв за постулат утверждение Гегеля, что „все действительное разумно“, он принял на себя некое послушание этой мысли, стараясь не замечать неразумность общества. Такая жизнь привела его к разрыву с Герценом, но в тот момент Белинский отступиться от своих взглядов не мог. Служение идее меняло и личную жизнь друзей. Его близкий друг Боткин имел легкомысленную связь с француженкой-модисткой. Под сильным влиянием Белинского Боткин был вынужден жениться на ней. Брак оказался несчастливым, но идея нового духа отношений торжествовала.

Неистовое служение мысли было по-своему последним всплеском романтического ощущения жизни, где полнота страсти и полнота страдания – залог подлинного восприятия жизни. „Мне не суждено попадать в центр истины, откуда на равном расстоянии видны все крайние точки ее круга; нет, я как-то всегда очутюсь на самом краю“. Вслед за Белинским уже шли более взвешенные прагматики с их разумным эгоизмом: Добролюбов и Чернышевский. Именно их испугался Тургенев, не сумев различить в них черт своего друга Белинского. Он писал Базарова, думая, что наваждение от нигилистов, пришедших изменить этот мир, спадет само собой. Но яростное упоение новыми и новыми идеями продолжалось; от народничества до толстовства с упорством первых христиан – они стремились захватить народ идеей, дать ему счастье сейчас. Жизнь коротка, надо уже сегодня увидеть результат.

Белинский мечтал о результате, жаждал его, но путь, о котором он мечтал, все более становился кровавым. „Личность человеческая сделалась пунктом, на котором я боюсь сойти с ума. Я начинаю любить человечество по-маратовски, чтобы сделать счастливой малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную“. Любить человечество „по-маратовски“ – это значило силой привести его к счастью, ибо само оно консервативно и не знает, чего хочет. Эта вера в скорейшее счастье на земле носила религиозный характер, но религиозный с обратным знаком. „Отрицание – мой Бог“ – провозгласил Белинский. Отрицание старого, отжившего – стало новой верой. Путь Белинского от мысли, что Евангелие для него абсолютная истина, до того, что он, по выражению Достоевского, „Христа ругал по-матерну“, был чрезвычайно стремителен. Но он не менял взгляды, он метался между ними, как мечется больной. Для него первого в России встал вопрос: истина или жизнь, и если нет истины, то не надо и жизни.

Критики XIX века не узнали в Раскольникове и Иване Карамазове – идейных экспериментаторах и богоборцах – страстный лик Белинского. Его узнал только XX век и изумился прозорливости писателя.

Белинского невозможно воспринимать как положительного или отрицательного героя нашей истории; неистовое желание счастья ближнему, страдание от слезинки ребенка, мечта о том, чтоб перевернуть весь мир, лишь бы не было несправедливости, – от этого порыва не укрыться, не спрятаться за слова „революционер-демократ“. К жизни Белинского нужно относиться как к величайшему уроку, который дает нам история, и если бы идейная страсть в России не выплеснулась из берегов и не перелилась в умы тысяч людей, для которых заменила жизнь, семью, дом.., если бы идеи не губили жизни людей, то тогда бы нам не в чем было упрекнуть неистового Виссариона.

Человеческой гордыне больно смиряться под тяжким грузом непознаваемых духовных процессов, которые, как это ни печально сознавать, не укладываются в людские понятия справедливости и несправедливости. Достоевский в Пушкинской речи сказал: „Смирись, гордый человек!“ – что вызвало потом бурю негодования, он, может быть, видел лик своего учителя и страстно взывал к его последователям отринуть страшное заблуждение разрушительного человеческого своеволия.

Н. ГРОМОВА

Самоучительская газета

САМОУЧИТЕЛЬ ДЛЯ ДИРЕКТОРА

МАРТОВСКИЕ ТЕЗИСЫ

УПОРНО ПРОДОЛЖАЕМ ПУБЛИКОВАТЬ НАБРОСКИ ДИРЕКТОРСКИХ РЕЧЕЙ НА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СОВЕТАХ. МЫ НЕ ПОЛУЧИЛИ НИ ОДНОГО СВИДЕТЕЛЬСТВА О ТОМ, ЧТО КТО-НИБУДЬ ВОСПОЛЬЗОВАЛСЯ НАШИМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ. НУ ЧТО ЖЕ ИЗ СЛОВ „СЕЙТЕ РАЗУМНОЕ, ДОБРОЕ, ВЕЧНОЕ" ВОВСЕ НЕ СЛЕДУЕТ, ЧТО ЭТО РАЗУМНОЕ, ДОБРОЕ И ВЕЧНОЕ ВЫРАСТЕТ И ДАСТ СВОИ ПЛОДЫ. НАШЕ ДЕЛО – СЕЯТЬ.

ИТАК, ВОТ ОДНА ИЗ ВОЗМОЖНЫХ ТЕМ ДЛЯ МАРТОВСКОГО ЗАСЕДАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОВЕТА ВАШЕЙ ШКОЛЫ.

Мы с вами много лет работаем вместе и, наверно, заседаем в сотый раз. Обычные темы педсоветов вам известны, известно, что скажет директор, кто будет выступать, кто будет „за" и кто будет „против".

Но сегодня мы поговорим на тему, о которой говорить не принято: о безопасности учеников в нашей школе.

О преступности, в том числе и подростковой преступности, говорят и пишут все чаще и все острее. Все газеты перепечатали снимок: трое подростков стоят с поднятыми руками лицом к стене, их обыскивают. Предполагается, что это преступники.

Вы знаете все случаи, которые были в нашей школе.

Я не хочу сказать, что мы во всем виноваты, что это школа недоглядела, не хочу повторять расхожую фразу бездарных журналистов: „Куда смотрела школа?"

Школа не может углядеть за каждым.

Я не хотел бы объявлять виноватым учителя, ведущего класс, в котором вырос преступник.

Тут очень сложные связи. Даже родителей не всегда можно обвинять, не то что учителей. Я думаю, наверно, всегда ушло то время, когда учитель во всем был виноват и если случалась беда, то первым делом снимали директора. Так воспитывались люди с психологией „как бы чего не вышло", а вся работа оценивалась по числу ЧП: нет ЧП – герой, случилось ЧП – преступник.

Теперь с нас не спрашивают за преступления наших учеников. Но значит ли это, что мы сами не должны спрашивать с себя? Что это стало делом нашей совести?

Вновь и вновь подумаем: что нам сделать, чтобы школа превратилась в зону безопасности?

Как сделать, чтобы никто не останавливал маленьких и не вымогал у них деньги?

Как сделать, чтобы у детей не было в школе врагов, которых надо бояться?

Как сделать, чтобы в школе перестал действовать закон кулака?

Как сделать, чтобы в школе можно было укрыться от зла, подобно тому как прежде в церкви укрывались от погони?

Как сделать, чтобы ученик, попавший в беду, у которого вымогают деньги, от которого требуют совершить нечто ужасное, – чтобы он мог прийти к учителю и найти защиту?

Как сделать, чтобы самый страшный двоечник все равно не боялся идти в школу, чтобы дети не прогуливали школу только оттого, что сегодня контрольная?

Как сделать, чтобы ребенок не боялся школы, учителя, сверстников своих, старшеклассников – никого?

Как освободить нашу школу от страха?

Вот это давайте обсудим на нашем мартовском педагогическом совете.

САМОУЧИТЕЛЬ ДЛЯ УЧИТЕЛЬСКОЙ

Воспитанный воспитатель

ВОСПИТАННЫЙ ВОСПИТАТЕЛЬ старается никого не обижать. Он знает, что есть две самые обидные фразы – никто не остается равнодушным, когда они произнесены. Человека очень обижает, когда ему говорят, что у него нет чувства юмора. И еще почему-то очень обидно, когда человеку говорят, что он не переживал трудных времен.

Однако ВОСПИТАННЫЙ ВОСПИТАТЕЛЬ понимает, что у некоторых людей действительно нет чувства юмора и поэтому лучше не подшучивать над ним.

ВОСПИТАННЫЙ ВОСПИТАТЕЛЬ никогда не позволяет себе того, чего его собеседник не может позволить себе по положению. Учитель говорит ученику: „Ну и глупый ты!" Но ученик ведь не может ответить: „Да и вы глупы, Мария Ивановна". Значит... Ученик не может подшутить над учителем, не может резко ответить, не может выразить сомнение в умственных способностях учителя – значит все это запрещено и для учителя.

Несмотря на общепринятое мнение, ВОСПИТАННЫЙ ВОСПИТАТЕЛЬ редко критикует начальство. Если директор школы неумен, то критика бесполезна; если зол – бесполезна и опасна; критиковать есть смысл лишь в том случае, если директор – умный, добрый и энергичный человек. Но его-то как раз и не стоит критиковать. ВОСПИТАННЫЙ ВОСПИТАТЕЛЬ настроен к людям положительно, он понимает, что критикой человека не исправишь – да у него и вообще нет в голове идеи исправления кого-нибудь.

ВОСПИТАННЫЙ ВОСПИТАТЕЛЬ умеет просить прощения. Его главные слова: „простите меня" и „благодарю". Простите, простите, простите... – только и слышишь от него. Он умеет сказать „простите" и „благодарю" и семилетнему ребенку.

ВОСПИТАННЫЙ ВОСПИТАТЕЛЬ, когда входит в дверь, всегда уступает дорогу, несмотря на возраст – даже маленькому мальчику. Это производит сильное впечатление на детей.

ВОСПИТАННЫЙ ВОСПИТАТЕЛЬ самым уважительным образом относится к родителям своего ученика. Он понимает, что он просто учитель, то есть заменимый человек, а перед ним люди, давшие жизнь ребенку. Да и просто – уважаемые люди, как и все. Уважение ко всем людям, и особенно к тем, кто стоит ниже по социальной лестнице, – первый признак воспитанности.

САМОУЧИТЕЛЬ ПСИХОЛОГИИ

Кто пойдет в баню?

ДОРИСУЙТЕ рисунок. Что у вас могло получиться?

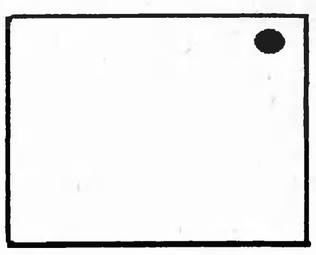


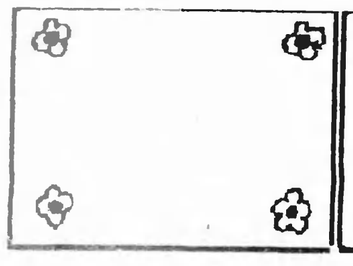
Рисунок 1

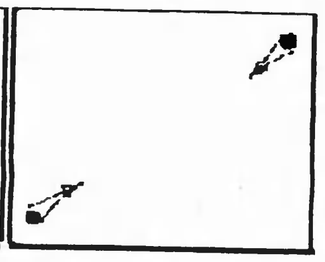
ВАРИАНТ 1. То, во что вы превратили шар, выполняет активную роль, а все остальное к этому подстроено. Например, может быть нарисован увядший от жары цветок (шар превращен в солнце); дорога, стремящаяся к предмету (в который превращен шар); ветка растения, заканчивающаяся цветком (сердцевиной которого сделан шар); в конце концов, человек, закрывающий голову от падающей гири, которая, конечно, сделана все из того же шарика. Это говорит о том, что обычно вы стараетесь подлаживаться к обстоятельствам, подчиняться им. Вы не будете рисковать и добиваться недостижимого. Вам близок принцип „зеленого винограда" и „сладкого лимона" – недоступное вы объявите плохим и ненужным, а наилучшим будете считать то, что имеете. Выбранный вами объект будет вполне соответствовать вашим возможностям.

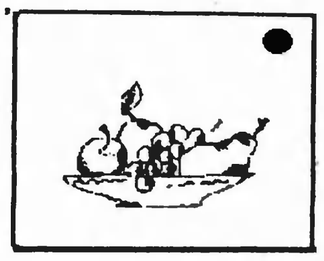
ВАРИАНТ 2. Если шарик – элемент пассивный и зависит от действия персонажей рисунка (например, человек держит на веревочке шарик; или стреляет в него из лука; или паук ловит в паутину шар – муху) – значит вы стремитесь управлять обстоятельствами, подстраивать мир под свои интересы. Не дай Бог кому-нибудь пытаться давить на вас – ничего, кроме раздражения и желания противоречить, это у вас не вызовет. Но учтите: при столкновении с неразрешимыми проблемами и несокрушимыми обстоятельствами вы можете проиграть из-за того, что не сможете вовремя оценить свои силы и подстроиться или переждать.

Вариант 1 Вариант 2

ВАРИАНТ 3. Если вы превратили шар в звездочку и нарисовали звездное небо; если шар – это сердцевина цветка, а во всех углах нарисованы такие же цветы; или вы просто заполнили квадрат шариками (такими же, как нарисованный) – значит вы чувствуете себя равноправным с обстоятельствами и активно включаетесь в ситуацию, стремитесь к гармонии с окружающим миром. У вас есть все для счастья и спокойствия, вы уравновешенны, способны добиться того, чего хотите, не обижая окружающих. У вас вряд ли есть враги, вы можете, даже расставаясь, оставлять у людей хорошие воспоминания и дружеское расположение.







Вариант 3 Вариант 4 Вариант 5

ВАРИАНТ 4. В противоположном углу нарисован точно такой же шар. Или сам шар превращен в цветок, а в противоположном углу такой же цветок. Это говорит о вашей постоянной готовности к конфликту и борьбе. Даже при возможности решить проблему обходными путями, мирно и без затрат сил вы предпочтете бороться.

ВАРИАНТ 5. Возможно, вы попросту игнорировали шарик и вовсе не включали его в свой рисунок. Скажите, вас никогда не упрекали в эгоизме и отрешенности? Вы слишком замкнуты в своем внутреннем мире, нельзя совсем не учитывать обстоятельств и жить так, как будто кроме вас, вашей воли и желаний не существует ничего. Вас не интересует чужое мнение. Или вы не умеете его оценивать.

А можно ли, определив отношение к окружающей действительности, предсказать поведение человека в той или иной ситуации? Представьте себе ответ на такой, казалось бы, простой вопрос.

Идут по дороге два человека, один грязный, другой чистый, у дороги – баня. Кто из них пойдет в баню: грязный или чистый?

„Грязный", – скажете вы и будете совершенно правы с точки зрения логики. А с точки зрения философии?

„Грязный", – скажете вы и будете... не правы. Так как с точки зрения философии в баню пойдет чистый и будет он становиться все чище и чище, а грязный, понятно, все грязнее и грязнее.

А что же психология? Как она разрешит эту дилемму?

„А... черт его знает!" – скажете вы в сердцах, запутавшись вконец. И будете совершенно правы. Именно так следует отвечать на этот вопрос с точки зрения науки психологии. Потому что переменных „грязный" и „чистый" вовсе недостаточно для решения задачи. Потому что в баню пойдет тот, кому в этот момент захочется пойти в баню. А психология как наука занимается изучением того, почему это происходит.

А. МОНОСОВА

САМОУЧИТЕЛЬ САМО - ЛЮБИЯ

Лео БАСКАЛЬЯ

ИСТИНУ ЗНАЕТ ТОЛЬКО СЕРДЦЕ

В ПРЕЛЕСТНОЙ философской сказке Сент-Экзюпери „Маленький принц" один из персонажей – Лис – говорит: „Ты в ответе за того, кого приручил". И добавляет: „Только сердцем можно увидеть истину: то, что существенно, невидимо". То, что видимо, так ограниченно и ничтожно, а невидимое – чудесно и огромно.

Все человека перед смертью и сразу после смерти практически ничем не отличается, если не считать веса воздуха, который вышел из легких. Жизнь сама по себе ничего не весит.

Человек как целое не может быть разделен на отдельные части или проблемы, что постоянно пытаются сделать так называемые специалисты, выделяя у конкретных людей проблемы общения, проблемы самоконтроля, проблемы здоровья и стараясь эти проблемы решать независимо. Беда этих специалистов состоит в их узком взгляде на человека и на мир. „Если единственный инструмент, которым вы располагаете, – это молоток, то вы будете со всеми окружающими вас вещами обращаться, как с гвоздями".

Люди говорят нам, кем мы должны и кем не должны быть, как мы должны двигаться, что нам следует и не следует делать. Как хорошо было бы отступить от этого и сказать: „Выйди из того, что есть, и посмотри на мир просто своими глазами". Все уже есть. Нужно только увидеть это все, дать ему „войти в себя", прикоснуться к нему, пережить его так, как оно есть.

Самое худшее, что может с нами произойти, – это апатия и безразличие. „Если бы я выбирал между страданием и ничем, я выбрал бы страдание" (У. Фолкнер).

ЧТО ЗНАЧИТ для нас идеальный день? Это день, когда все идет так, как мы хотели или планировали. Если же дела идут не так, как мы хотели, то мы считаем день пропавшим, неудачным. Значит, дело не в том, какой день (он сам по себе всегда – идеальный), а в том, как мы к нему относимся, в нашем ненасытном стремлении к совершенству.

Наши ожидания усиливают сами себя. Они закрывают дорогу всему новому, что не отвечает каким-либо нашим пристрастиям. Люди могут весь день говорить нам, какие мы замечательные, значимые и приятные. А под конец кто-то один вдруг скажет, что не любит нас, и день пропал, мы полностью падаем духом.

Скажите себе: „С этого дня я начинаю пробовать все. Чувствовать вкус пищи, смотреть в небо, ощущать вещи, чувствовать свое тело, осознавать чувства других людей, прикасаться к ним, осознавать самого себя, свое развитие, свое изменение, свое существование".

Китайский философ Лао-Цзы сказал: „Каждый – это совершенное ОНИ". Мы уже совершенны. Мир уже совершенен. Но мы пытаемся всюду лезть с идеей совершенства и тем самым создаем проблемы.

Вы уже „совершенный вы", причем только вы сами – наиболее „совершенный вы" во всем мире. В самом деле, кто может быть более „совершенным вы", чем вы сами?

Мы привыкли думать одновременно о 5–6 вещах и научились хронической напряженности. Повсюду мы находим возможность для тренировки напряженности, нигде нет тренировки легкости и счастья. Бедный человек! Создан, чтобы возлюбить все живое на Земле, а не в состоянии возлюбить даже самого себя!

Вам нужно научиться опустошать сознание, иначе заполняющая его статика сведет вас с ума. Иногда бывает нужно все пустить на самотек. При этом происходит часто удивительная вещь – вместо ничего вы обретаете все, но на этот раз в чистом виде и без всяких усилий. Для того чтобы найти себя, иногда бывает необходимо себя потерять.

В одной из древнееврейских священных книг сказано следующее: „Человек должен понять, что нет ничего реального, что все всегда создается, становится и меняется. Ничто не стоит на месте. Все рождается, растет и умирает. Как только что-то достигает своей высшей точки, оно уже начинает падать вниз. Нет ничего постоянного. Все следует видеть происходящим из другого, переносящимся к новому, действующим и противодействующим, строящимся и разрушающимся, сотворяющимся и уничтожающимся, рождающимся, развивающимся и умирающим. Лишь одно изменение постоянно и вечно".

БУДДИСТЫ говорят: „Мы просыпаемся ангелами, а засыпаем демонами, потому что весь день проводим в погоне за обеспеченностью, гарантиями, безопасностью, защитой. Но ведь все это внутри нас, а не снаружи".

Итак, чем же вы **не являетесь**?

Вы – это не ваша умственная статика.
Вы – это не ваше тело.
Вы – это не состояние вашего сознания.
Вы – это не ваше физическое Я.
Вы – это не ваши ощущения.
Вы – это не ваши восприятия.
Вы – это не ваши нынешние чувства и реакции.

Вы частично – это все перечисленное, но вы и гораздо большее! Если вы останетесь прикованным к чему-то одному из перечисленного, то будете с этим всегда. Помните, что в вас больше нереализованного, чем реализованного. Поэтому:

1. Осознайте! Откройте себя!

2. Найдите альтернативы! Их в каждой ситуации бесконечно много. Отбросьте противопоставления: плохой – хороший, правильно – неправильно, добрый – злой и т. д.

3. Не избегайте отрицательных состояний. Они могут многому вас научить.

4. Избавьте себя от ожиданий. Помните, что, когда мы ничего не ждем, у нас все есть.

5. Помните, что вы – лучший вы на свете. У вас уже все есть. Нужно только осознать это и реализовать себя.

Перевод И. ЛУНЕВА
Фото С. ШАХИДЖАНЯНА

КНИГИ ИЗ ПОДЗЕМНОГО ПЕРЕХОДА

МЫ СНОВА ВПЕРЕДИ ПЛАНЕТЫ ВСЕЙ

И вовсе этого не стыдимся

ВСЕ-ТАКИ волны прогресса докатываются до нашей страны. Сексуальная революция, о необходимости которой у нас не говорил никто, дала наконец-то о себе знать по крайней мере в области книгопечатания и кинопроката. Раньше, как известно из бессмертной реплики одной участницы телемоста, секса у нас не было вообще. А из ничего революции не устроишь.

Между прочим, эта самая революция, пугавшая нас даже своим названием, была не столь примитивной и однозначной, как ее трактовала наша пресса. В частности, разврата или разгула порнографии она не предусматривала.

На практике, правда, получилось не совсем так, как планировали теоретики. С революционными лозунгами – уж мы-то хорошо это знаем – происходят удивительные превращения, когда они начинают внедряться в практику. Открывшимися возможностями с готовностью воспользовались литераторы и киношники. Вот тут взлет был поистине революционным, если учесть, что, например, в США запрет на публикацию „Декамерона" был снят только в 1954 году. Вскоре новая мода достигла такого размаха, что Арт Бухвальд язвил по поводу того, какую пощечину общественному вкусу нанес прозаик, осмелившийся выпустить роман без нецензурных слов и постельных сцен.

Поелику в отечественной беллетристике на указанном направлении наблюдаются явные недоработки, приходится в очередной раз бежать за помощью к варягам, среди которых на сей раз первенство держат французы, точнее француженки, во главе с их признанным лидером – романом Эммануэль Арсан „Эммануэль". Имя этой бескорыстной потаскухи стало своего рода символом; КВНщики даже заговорили об эммануэлизации нашей жизни („Вот и Гайдара тоже так...").

Не надо читать много книг, чтобы понять, что они описывают вовсе не ту сферу человеческой деятельности, которую можно считать хотя и интимной, но все же нормальной. По преимуществу книги эти посвящены жизнеописаниям сексуальных психопатов. Трудно сказать, то ли у авторов на этой почве действительно съехала крыша, то ли они хладнокровно рассчитали, что на такую наживку скорее клюнут. Та же Эммануэль – нимфоманка и лесбиянка, мадемуазель О. из романа Паулин Рэж „История О." – мазохистка, окруженная хороводом садистов. И так далее. Труды основоположников упомянутых доктрин – я имею в виду маркиза де Сада и Л. Захер-Мазоха – также к вашим услугам. Некоторые публицисты уже отыскали в их концепциях прямые связи с окружающей нас действительностью. Ничего удивительного. Общество наше тяжело больно, и в нем нетрудно отыскать симптомы любых заболеваний. Но все же в большинстве случаев мы пока еще имеем дело не с пациентами Канатчиковой дачи.

Конечно, если попробовать отключиться от конкретики, перед нами возникает весьма своеобразный мирок, живущий по своим законам, которые непосвященному могут показаться дикими, но для тех, кто присягнул им на верность, они представляются единственным источником жизненных радостей. Но не таковы ли главные признаки любой утопии? Не важно, что в этих книгах остров Утопия размещается не за морями-океанами, а вписан в современную обстановку. Все равно это такая же выдумка или – если угодно – такая же мечта. (Если, конечно, допустить искренность авторских намерений, что сомнительно.) К реальному миру она отношения не имеет. Нельзя же предположить, что женская составляющая западного дипкорпуса, аккредитованного в Таиланде, состоит исключительно из лесбиянок, занимающихся своим излюбленным видом спорта круглосуточно, причем с благословения и при активном соучастии своих мужей, как это подано в той же „Эммануэли".

Дело, однако, в том, что оторваться от существа исследуемого предмета невозможно, потому что это не просто профессия у одних или хобби у других, это они целиком, без остатка. Приглядевшись повнимательнее, обнаруживаешь, что в том сексуальном раю живут не люди, а павианы, которым для камуфляжа приданы отдельные человеческие черты. Впрочем, что это за черты? Одежда? Действующие лица стремятся избавиться от нее при малейшей возможности. Речь? Вот уж что совсем необязательно, партнеры прекрасно обходятся без слов, а в „Истории О." женщинам так и вообще запрещено говорить. В той системе координат, где женщина сведена до статуса машины любви (так называется один из романов), заведомо предполагается, что ничего духовного или интелпектуального в прекрасных головках возникнуть не может. Хотя сами героини и их авторы уверены или делают вид, что уверены, в обратном: они-де освобождают женщину от лицемерной обывательской морали.

„Эммануэли" буквально навязываются покупателям, прежде всего своими красочными обложками. Ведь обложки – тоже реклама. О мощной поддержке со стороны видеопроката я уже и не говорю. Больше всего меня изумляет газета, которая уже не в первый раз рекламирует эти „эротические" новинки на первой полосе. Подозреваю, за такую рекламу неплохо платят; знаю, что газете деньги нужны очень, но как тут не вспомнить замечательное изречение, придуманное шестидесятниками прошлого века аккурат для подобных случаев: „Не пей из колодца, пригодится плюнуть".

В одном издании я обнаружил послесловие. Его автору очень хотелось отыскать что-нибудь оправдывающее, и минимум два пункта он нашел. Во-первых, публикация „бестселлеров-однодневок" дает возможность иным издательствам публиковать литературу, называемую у нас „некоммерческой", „серьезной". Вот оно, значит, как. Оказывается, „Эммануэли" выпускаются с дальней и благородной целью. Сначала Арсан, потом Плутарх. Или Гегель. При этом обратите внимание на „иным издательствам", не „нашему издательству", а иным. Вторая функция и того лучше: „Без литературы коммерческой не было бы и той классической литературы, призванной противостоять недолговечным однодневкам..." Не буду анализировать этот спорный тезис, но в данной книге приравнивают своих „Эммануэлей" ко всей прочей популярной, скажем, приключенческой или фантастической литературе, которая в лучших своих образцах нравственна, добротна и необходима подрастающему поколению. Чего о романах Э. Арсан и П. Рэж сказать никак нельзя.

Но хотели бы мы того или не хотели, литература такая издается и продается, и ее, простите за грубость, на кобыле не объедешь. Первое естественное для советского человека побуждение: запретить! Запретить, разогнать, арестовать... Именно в этом направлении уже действует рабочая группа писменников-добровольцев, в порядке законодательной инициативы разрабатывающая нравственные нормативы, по которым мы будем жить. Когда эта группа покончит с порнографией и проституцией, я рекомендовал бы ей ни в коем случае не останавливаться на достигнутом. Совершенно необходимо немедленно запретить пьянство, хулиганство, наркоманию и квартирные кражи... Трудно даже вообразить себе степень лучезарности той жизни, которая настанет в нашей стране после принятия выработанного писателями закона. Да, пусть еще и про взяточничество не забудут!

Ох, запрещали уже. Долго и много. С десяток лет назад наши борцы за высокую нравственность протрубили крестовый поход против владельцев видиков. Чтобы придать кампании налет законности, были наскоро сформированы трибунальные тройки из представителей так называемой интеллигенции. И плоскогрудые ханжи с цыплячьим кругозором воистину садистски ломали судьбы людей, отправляли их под суд только за просмотр фильмов, многие из которых в остальном цивилизованном мире признаны выдающимися произведениями киноискусства, вроде „Последнего танго в Париже" Б. Бертолуччи. Шокирующие сцены не должны быть самоцелью. При соблюдении этого требования все остальное – вкус и совесть художника. Если бы режиссер и актриса не решились на вызвавший с непривычки толки эпизод в „Маленькой Вере", характер главной героини остался бы незавершенным.

Как раз самое сложное во всем этом деле – определить, где кончается искусство и начинается уголовный кодекс. Если и существуют границы, то они крайне условны, подвижны, зависят от множества причин. И проведение демаркационной линии никак нельзя доверять записным моралистам.

Что ж, пусть продают? Пусть показывают? Пусть развращают? Думаю, главная беда не в самом факте издания, а во всеодоступности этих книг. Уж на что там у них за бугром свобода, а все же „Поцелуи смерти" продаются не в трогательном единстве с „Библией для самых маленьких". В других местах. Кощунство это и бескультурье. И фильмы с чрезмерными откровениями получают специальную литеру, которая ограничивает их демонстрацию в определенных аудиториях. Но мы, как всегда, идем своим путем – или ничего не допущать, или допущать все.

Я видел, как милая девушка без тени смущения читала в электричке „Эммануэль". А чего стесняться-то, если книга повсюду в открытой продаже и даже рекомендуется уважаемой газетой?! Заглянуть разок в подобную книжку ради любопытства, что же она там натворила, эта скандальная особа, по-моему, естественно. А вот читать такую же вторую, третью – это уже зависит от меры испорченности каждого. Но тот, кто этого очень захочет, пусть прогуляется в специально отведенный уголок в секс-шопе.

Всеволод РЕВИЧ

Учредитель-Российский открытый университет

Главный редактор С. СОЛОВЕЙЧИК
Директор И. РЯЖСКИХ

Индекс 32024

Газета зарегистрирована Министерством печати и массовой информации РФ 22.05.92. Свидетельство № 01118.

Тираж 150 000 ТКЗ Зак. № 613
Адрес: 101000, Москва, ул.Маросейка, 11/4
Телефоны редакции: 924-54-34, 925-50-69
Отдел распространения и рекламы: 941-40-55
Газета набрана и сверстана на РИС фирмы „Бертольд", ФРГ

Газета выходит по вторникам, четвергам и субботам